

С. Яров, Е. Балашов
В. Мусаев, А. Рупасов
А. Чистиков

ПЕТРОГРАД НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

ГОРОД И ЕГО ЖИТЕЛИ
В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Сергей Яров

**Петроград на переломе эпох.
Город и его жители в годы
революции и Гражданской войны**

«Центрполиграф»

2013

Яров С. В.

Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны / С. В. Яров — «Центрполиграф», 2013

Настоящая книга очерков истории Петрограда в годы Гражданской войны, не сгущая краски, показывает трудности и теневые стороны жизни, не пренебрегая тем положительным, что уже отражено в исторической литературе, но и не избегая тяжелых и мрачных явления быта и повседневных тягот горожан, которым довелось прожить несколько лет на переломе эпох. Старый дореволюционный порядок с его уже ставшими привычными устоями жизни сменился резким скачком к неизведанному будущему, ставшим тяжелым испытанием для бывшей столицы Российской империи... Изучение истории Петрограда эпохи Гражданской войны вплоть до настоящего времени все еще остается далеким от завершения. Замысел авторов – максимально правдиво рассказать читателям о жизни города и его жителей на непростом этапе перемен.

© Яров С. В., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Предисловие	5
А.Н. Чистиков	10
«Семь нянек» горожанина	10
Все на выборы?	15
На верхних этажах управленческой пирамиды	26
На политическом олимпе: Григорий Зиновьев	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

**С. Яров, Е. Балашов, В. Мусаев,
А. Рупасов, А. Чистиков**
Петроград на переломе эпох.
Город и его жители в годы
революции и Гражданской войны

Предисловие

В последние сто лет Россия пережила столько катаклизмов, что иному государству хватило бы на несколько столетий. Не составлял исключения и главный город России – сначала императорский Петербург, затем военный и революционный Петроград. Естественно, что огромная историография и имперской столицы, и Петрограда, и большевистской цитадели революции отличалась прежде всего характеристикой, описанием и оценкой достижений правящих верхов в связи с 300-летием дома Романовых, а затем большевистской диктатуры. Не меньшее внимание в ней уделялось геополитическим проблемам внешней политики и тем войнам, которые отражали геополитические интересы держав, участвовавших в войне, и в том числе России; проблемам внутренней политики самодержавного строя, опорой которого было поместное дворянство; постепенно стали затрагивать и крепостническую систему отсталой крестьянской страны. Социальные сдвиги в Петербурге, рост рабочего класса и рабочее движение в целом, появление и деятельность различных революционных кружков – от декабристов до РСДРП (большевиков), также со временем оставались важными проблемами, которые выдвигались авторами, сознававшими назревание перемены в организации политического строя; появились работы о Государственной думе и Государственном совете, министерствах и Кабинете министров.

Вместе с тем народные массы, являвшиеся основными творцами истории и вынесшие на своих плечах Русско-японскую, Первую мировую, наконец, Гражданскую войны, по-прежнему оставались как бы объектами важнейших исторических событий. Лишь некоторые историки стремились проникнуть в психологию петербуржцев, особенно в переломные годы первой русской революции, русских революций 1917 г. (Февральской и Октябрьской), Гражданской войны, когда главной фигурой исторического процесса вдруг стал простой солдат (вчерашний крестьянин), фронтовик, уставший от войны и ставший сторонником большевиков, которые обещали с ней покончить и установить всеобщий мир без аннексий и контрибуций. Еще меньше исследователей вникали в психологию новых носителей революции, их быт, обусловленность их политического сознания и поведения; мало кто пытался уяснить традиции самодержавной России, воспринятые партией и Советами, вдруг воплотившиеся в росте бюрократизма, авторитаризма правящих групп; избирательные системы, характеризовавшиеся как

неведомое советское достижение, хотя выборы были несправедливы; преступность, проституция долгое время оставались вне рамок исторических сочинений; новый человек «социалистического общества» выглядел в значительной мере ходульно, являя собой некую схему, а не живое творение природы и общества; распределительная сеть и торговля оценивались лишь с классовых позиций.

Историки, взявшиеся за эти темы, увидели массу «белых пятен», нерешенных проблем и необходимость переосмысления прошлого, по крайней мере, применительно к истории Петрограда времен Гражданской войны. Их ждал непочатый край работы и серьезное изучение многих сторон жизни города и его обитателей. Поэтому и была предпринята попытка нового освещения истории Петрограда на переломе эпох, оценки поведения, жизни, быта горожанина, ранее появлявшегося на страницах книг в образе «химически чистого» жителя, который был готов стать стержнем города новой «социалистической цивилизации», отношения к религии и т. д.

Всякие переломные исторические события неизбежно находят свое отражение как в научной литературе, так и в художественной. При этом чем с более резкими катаклизмами, порою значительно меняющими социальный строй в той или иной стране, ее городах, они сопряжены (а наиболее крупные из них – приводящие к глобальным переменам в развитии человечества и общего процесса мировых изменений), тем большее внимание современников и потомков этих крутых поворотов истории они привлекают. Можно отметить и определенную закономерность в проявлении ими интереса к различным сторонам этих трагических и порою сметающих на своем пути многие устои, социальные институты, политические структуры, наконец, обычаи, традиции и оценки событий прошлого. Следует также заметить, что художественная литература, отражающая эти крутые переломы истории со значительно большим запозданием, чем откровенно политическая или социально-ориентированная на чисто классовые оценки недавнего прошлого публицистика или конъюнктурная подчас историография, гораздо полнее и с большей глубиной разрабатывает жизнь, быт, психологию, нравы, особенности жизни и поведения самых различных слоев общества, застигнутого всякими потрясениями того или иного времени.

Вряд ли случайно, что Лев Толстой лишь в 1863–1869 гг. показал с огромной силой жизнь, нравы, громадный патриотический подъем русского общества, проявленный во время Отечественной войны 1812 г. («Война и мир»), то есть спустя более чем пятьдесят лет после самой этой войны, перевернувшей судьбы многих поколений населения России. Причиной этого был и довольно сложный процесс ознакомления с источниками, их истолкование непосредственно во время грозных военных столкновений, когда сами события еще только развивались и на первый план выступала сама война как главный фактор политической истории. Все человеческое – быт, нравы, психология людей, их взаимоотношения, отношение к власти и различным явлениям – требовало гораздо большего времени и знания такого материала, который выходил за рамки боевых действий. С другой стороны, отечественная историография Октябрьского переворота и последовавшей за ним Гражданской войны упорно, на протяжении пяти-семи десятилетий ограничивала свое внимание и понимание грандиозных последствий 1917 г. главным образом действиями красноармейских отрядов, попытками реализовать «красногвардейскую атаку на капитал», доблестными рейдами красной кавалерии и пехоты на различных дорогах борьбы с армиями Колчака, Деникина, Юденича, Миллера, Врангеля, белополяками и т. д. Историков этого времени интересовала прежде всего героическая эпопея большевиков, стремившихся построить пусть и во многом иллюзорное, но по их представлениям справедливое социальное общество, где рабочий, крестьянин, солдат, хотя и несли основное бремя Гражданской войны, голода, разрухи, тем не менее были «возвышены» над бывшими «эксплуататорами» – дворянами, чиновничеством, представителями правоохранительных органов, интеллигенцией, офицерским корпусом старой армии, помещиками и капиталистами, выход-

цами из состоятельных слоев, членами многих правых, либеральных или «недостаточно революционных» партий меньшевиков, эсеров, анархистов и т. д.

Вот почему советская историческая литература, посвященная красному Петрограду, уделяла основное внимание прежде всего военным действиям на разных участках Северо-Западного региона, особенно весенним и осенним наступлениям корпуса Родзянко – Юденича на Петроград, организации борьбы с ними, помощи со стороны относительно немногочисленных сил интервентов (американцев и англичан), героической борьбе рабочих, красноармейцев и солдат, комсомольцев, мобилизованных на борьбу с силами контрреволюции, кайзеровской, а затем британской помощи становлению противосоветских самостоятельных республик, уточнению боевых операций, оценкам боевых действий флотов и флотилий и т. д. Это, впрочем, не помешало появлению больших фундаментальных работ Н.А. Корнатовского, А.С. Пухова,

А.А. Геронимуса и других, где немалое место уделялось подлинным воспоминаниям красноармейцев и белогвардейцев, дезертирству, противостоянию различных политических сил на северо-западе России – Финляндии, Латвии, Литвы, Эстонии и т. д.¹

Однако вне поля зрения даже лучших советских исторических книг, посвященных истории экономического и политического развития Петрограда в 1918–1920 гг., его военно-политическим и классово-партийным столкновениям, «красному» и «белому» террору, оставались многие темы, проблемы и события, выпадавшие из быстро сложившегося стереотипа – «борьбы с белыми прихвостнями буржуазии», поддерживающими их интервентами и шпионами.

Речь идет о многих обойденных классово ангажированной направленностью этих работ «подробностях жизни». А таких «подробностей» в истории послереволюционного Петрограда было немало. Партийно-советская печать и литература не давали себе труда оценить новый слой правящей бюрократии, ее образ жизни, степень близости или, напротив, оторванности от простого люда, ее моральный облик, особенно неприглядный на фоне десятков и сотен тысяч голодающих рабочих и крестьян. Г.Е. Зиновьев, З.И. Лилина, С.С. Зорин успевали не только оторваться от основной массы с каждым годом убывающего из города простого народа, но и отгородиться от него системой спецпайков, столовых, дорогостоящей одеждой, автомобилями как неизбежными атрибутами новых властителей. И если всеобщая трудовая повинность, введенная ими для утративших лоск бывших представителей имущих классов, означала изнурительную работу на валке леса и его погрузке, заготовке угля, дров, продовольствия, то новая советская бюрократия немало времени проводила в театрах, участвовала в новых зрелищных мероприятиях, помпезных праздниках «монументальной скульптуры», в склоках и адюльтерах.

Разумеется, необходимость опоры на класс-гегемон требовала и организации работы по продовольственному обеспечению части этой категории народа. Описание роли Советов, их перевыборов занимало много места и создавало видимость подлинно демократической власти, пришедшей на смену старому строю. Однако упор делался на тысячи избранных депутатов, на преобладание в Советах коммунистов и вытеснение из них представителей всех других демократических групп. Одновременно затушевывались такие первостепенные вопросы, как отсутствие тайного голосования, не прямые выборы, пятикратное преимущество рабочих перед крестьянами среди участников выборов. Кроме того, громоздкие по численности Советы реально не участвовали в организации власти и в управлении разнообразными сторонами городской жизни. На первый план вышли сначала узкие по составу руководящие органы управления Советами (исполкомы), а затем партийные комитеты всех уровней. Еще больше пробелов оставалось в историографии относительно жизни, быта, настроений горожан, их под-

¹ См.: Чистиков А.Н. Историография и источниковедение // Интервенция на Северо-Западе России. 1917–1920 гг. Л., 1995. С. 7–33.

линой оценки советской власти. Многие слои населения города воспринимали советскую власть как реальную политическую силу, но далеко не все с симпатией относились к отдельным ее звеньям (ЧК, продотряды, заградотряды), наконец, к отдельным ее представителям и руководителям. Конечно, необходимость приспособиться к новой обстановке ради выживания порождала поверхностное политическое клише, поддерживаемое обывателями, но многие из этих клише скорее отражали стремление к самосохранению, формальному восприятию новой риторики, позволявшему выглядеть «как все». Развиваемый во многих исторических работах 1920–1970 гг. тезис, будто интеллигенция, поколебавшись, с готовностью пошла на службу советской власти, отчасти отражал настроение этой группы городского населения. Лишь с введением нэпа часть интеллигенции уверовала в возможность какой-то пользы от коммунистов для возрождения разрушенной и покалеченной России. В гораздо же большей степени получение работы, пайка, улучшение продовольственного положения побуждали многих представителей интеллигенции по крайней мере формально поддерживать новые лозунги власти, обещавшие скорое изобилие, социальную справедливость, подъем сельского хозяйства и промышленности. Горожанин как политик находился вне серьезного изучения многих авторов, которые на первый план вывели не подлинные настроения рабочих (и нередкое в ту пору рабочее забастовочное движение).² Историков интересовали крестьяне с их спонтанными разрозненными выступлениями в Петроградской губернии, часто вызванными не столько серьезным отражением политической программы большевиков, сколько переживаемыми трудностями, недовольством произволом и своеволием местных властей; интеллигенции, которая поначалу, не доверяя советской власти, активно участвовала в так называемом саботаже, а позже пополнила ряды белого офицерства, бежавшего на юг и организовавшего несколько крупных очагов сопротивления. Еще позже жизнь заставила ее служить за паяк или за кратковременную веру в возможность возродить страну.

Еще меньше интересовались послереволюционные историки жалким бытом различных слоев населения города, проявлениями всех видов преступности и правонарушений (массовые грабежи, квартирные и карманные кражи, взлом продовольственных хранилищ, убийства с целью похищения одежды и ценностей, быстрое развитие организованной преступности, создание воровских шайек и притонов, взяточничество, казнокрадство, влияние многолетней войны на общую нравственность горожанина). Особо следует отметить шарахания в религиозной политике, позднее приведшие к варварскому уничтожению православных и иных конфессиональных культовых зданий, замене традиционной религиозности бойкими агитками и разоблачениями, часто в форме, оскорбляющей чувства верующих.

Были оставлены без внимания такие социальные болезни послевоенного времени, как массовые эпидемии, проституция, переместившаяся из бывших роскошных публичных домов в грязные и обшарпанные особняки и притоны. Выдвинутая новыми властями проблема воспитания нового человека будущего социалистического общества во многом свелась к пионерской и иной риторике, комсомольским обрядам, утрате привычных и широко распространенных религиозных и народных празднеств, развитию футуристических шествий, оформлению улиц и площадей нередко низшего качества гипсовыми статуями вождей мирового пролетариата и т. д.

Провозглашенная советской властью ликвидация частной торговли отчасти компенсировалась системой пайков, столовых, доступных для части рабочих и в особенности руководящих деятелей нового режима. Однако «запереть» свободную торговлю не удалось. В городе процветала «сухарежка», рынки держаных вещей и продовольствия, массовым стало мешоч-

² Отметим в этой связи вышедшую совсем недавно весьма ценную работу С.В. Ярова «Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев» (СПб., 1999).

ничество отчаявшихся добиться пропитания своим семьям, спекуляция, обнищание бывших состоятельных людей.

Одним словом, картина Петрограда на переломе эпох писалась в послереволюционные годы почти исключительно красным, бравурным и будоражащим цветом. Город же и его жители, число которых с нескольких миллионов человек в 1914 г. понизилось до 700 тыс. к концу лета 1920 г., истерзанные голодом, болезнями, реквизициями, произволом властей всех уровней, жили тяжелой и временами беспросветной жизнью. Лишь с переходом к нэпу в середине 1921 г. положение стало улучшаться.

Настоящая книга очерков истории Петрограда в годы Гражданской войны ставит перед собой задачу, не сгущая краски, показать многие трудности и теневые стороны жизни, не пренебрегая тем положительным, что уже отражено в исторической литературе, но и не избегая тяжелых и мрачных явлений быта и повседневных тягот горожан, которым довелось прожить несколько лет на переломе эпох. Старый дореволюционный порядок с его уже ставшими привычными устоями жизни сменился резким скачком к неизведанному будущему, ставшему тяжелым испытанием для бывшей столицы Российской империи.

Таким образом, изучение истории Петрограда эпохи Гражданской войны вплоть до настоящего времени все еще остается весьма далеким от своего завершения. Данная работа не претендует на то, что ее авторы смогли дать исчерпывающие ответы на затронутые вопросы. Однако они постарались привлечь максимально возможный на данном этапе круг источников.

Работа подготовлена коллективом научных сотрудников отдела современной истории России Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН под редакцией члена-корреспондента РАН В.А. Шишкина в составе: Е.М. Балашов, В.И. Мусаев, А.И. Рупасов, А.Н. Чистиков, С.В. Яров.

В.А. Шишкин, декабрь 1999 г.

* * *

Это предисловие к первому изданию мы решили оставить без изменений, за исключением незначительной редакторской правки в память о нашем наставнике и коллеге – Валерии Александровиче Шишкине.

Вниманию читателя предлагается второе издание книги, исправленное и дополненное, с учетом исследований историков и публикаций документов, вышедших за последние 12 лет.

Осталась прежней структура книги, отражающая главный замысел авторов – рассказать о жизни города и его жителей в годы революции и Гражданской войны в форме исторических очерков.

Авторы, январь 2013 г.

А.Н. Чистиков

У кормила власти

«Семь нянек» горожанина

Февральские события 1917 г. и последовавшие за ними перипетии внесли сумятицу в управление Петроградом. К октябрю того же года в городе одновременно существовали Временное правительство, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, центральные городские Дума и управа (ее исполнительный орган), а также районные Думы, управы и Советы. Все они постоянно или эпизодически принимали постановления, касающиеся городской жизни. Наличие внутри этих органов представителей различных политических партий, стоящих порой на диаметрально противоположных позициях, затрудняло выработку единых решений. Ситуация «когда в товарищах согласия нет» дала соответствующий результат: политические пристрастия, вызванные катастрофическим состоянием экономики, еще больше углубили экономический кризис.

Выход из замкнутого круга, казалось, нашли большевики, взяв власть в свои руки в столице 25–26 октября 1917 г. Но государственное устройство будущего социалистического общества виделось им не совсем отчетливо. Ограничившись лозунгом «Вся власть Советам!», партийные лидеры до Октября 1917 г. не разработали подробно принципы управления новым государством. Теоретические посылки не выходили за рамки общих лозунгов и идей. Теперь необходимо было все это конкретизировать, к чему обязывал, в частности, переход партии из оппозиционной в правящую. Все же в организационном плане Советы к этому времени приобрели некоторый опыт.

Около 5 часов утра 26 октября II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, собравшийся в Актовом зале Смольного, принял написанное В.И. Лениным обращение к «Рабочим, солдатам и крестьянам». В нем были и такие строки: «...съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...»³

Однако во многих районах страны, в том числе и в Петрограде, номинальная власть Советов не всегда сразу переходила в реальную. Возникший в конце февраля 1917 г. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов представлял собой достаточно громоздкий орган,

³ Декреты советской власти (далее – ДСВ). Т. 1. М., 1957. С. 8.

насчитывавший в марте до 3000 депутатов⁴ и разделенный всего на две секции: рабочую и солдатскую. Большевики, находившиеся в явном меньшинстве в Совете, с самого начала его работы требовали перевыборов, но неизменно натывались на сопротивление меньшевиков и эсеров. Правда, на отдельных предприятиях в мае-июне депутаты были переизбраны, тогда же изменился персональный состав районных Советов, частично завоеванных большевиками. После событий 3–5 июля уже меньшевики и эсеры ратовали за перевыборы Совета, намереваясь, по выражению члена Петербургского комитета РСДРП(б) В. Володарского, «вытурить» из него большевиков. Ничего у них из этого не вышло. Большевики же без перевыборов увеличивали ряды своих сторонников в городском Совете и в ночь с 31 августа на 1 сентября впервые на пленуме Петросовета провели свою резолюцию по текущему политическому моменту и по вопросу о власти. 9 сентября Совет отправил в отставку старый президиум и исполком, что позволило ленинской газете «Рабочий путь» провозгласить: «Отныне политической линией Совета будет линия партии большевиков»⁵. С этого времени кампания по перевыборам Совета оживилась, но своего пика достигла лишь в ноябре-декабре 1917 г., уже после Октябрьского вооруженного восстания. Большевики укрепляли свои позиции, хотя сформировать Совет полностью из своих сторонников не смогли.

Менее удачными для них были перевыборы исполкома Петросовета в сентябре 1917 г. По предложению Л.Д. Троцкого и Л.Б. Каменева, вызвавшему возражения Ленина, исполком избирался членами солдатской и рабочей секций на пропорциональной основе. Большевики получили в исполкоме половину – 22 места, эсеры – 16 и меньшевики – 6. Правом решающего голоса обладали еще 7 человек, делегированных различными политическими партиями и организациями. Председателем Петросовета стал большевик Троцкий. Заседания политически пестрого исполкома опять превратились в поле для теоретических битв. Ни исполком, ни сам Петросовет, пленумы которого в сентябре-октябре состоялись 12 раз, не стали тем органом, который привел большевиков к власти. Пока на этой арене шли словесные баталии, Петербургский комитет партии большевиков (ПК) 15 октября согласился с решением своего ЦК от 10 октября о том, что «вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело» и с этой точки зрения необходимо «обсуждать и разрешать все практические вопросы»⁶.

Практическими вопросами вплотную занялся Петроградский военно-революционный комитет (ВРК), детище исполкома Петросовета, рожденное на его заседании 9 октября. Задача ВРК (первоначально он назывался Революционным комитетом обороны) состояла в обеспечении революционной обороны Петрограда и безопасности народа от корниловцев. Фактически сразу же «штаб обороны города» превратился в «штаб для захвата власти».

И после Октябрьского восстания комитету, ставшему уже всероссийским органом, вплоть до роспуска его 5 декабря 1917 г. суждено было также заниматься судьбой города. На плечи членов ВРК легла борьба против антибольшевистских сил и охрана порядка, обеспечение Петрограда продовольствием, а рабочих – зарплатой, выпуск газет и организация работы предприятий, банков и т. п. По сути дела, ВРК в первый месяц после восстания олицетворял собой ту власть Советов, о которой говорили большевики, заменив и Петроградский Совет, и во многом центральную городскую Думу.

Депутаты Петросовета, казалось, тоже не сидели без дела. Но вопросы, обсуждаемые на общих собраниях, в подавляющем большинстве касались не только и не столько Петрограда, сколько всей новой России. Создание однородно социалистического правительства и начало мирных переговоров с Германией, выражение доверия новому общероссийскому органу власти – Совету народных комиссаров (СНК) и его главе – Ленину и призыв к служащим почт,

⁴ История рабочих Ленинграда. Т. 2. Л., 1972. С. 20.

⁵ Цит. по: *Потехин М.Н.* Первый Совет пролетарской диктатуры. М.; Л., 1966. С. 79.

⁶ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918 г. М., 1958. С. 85.

телеграфа и железных дорог к сотрудничеству с советской властью – вот что стояло, в первую очередь, на повестке дня. По политическому составу Петросовет и после восстания не стал однородным. По предположению историка М.Н. Потехина, с которым можно согласиться, окончание перевыборов Совета в декабре 1917 г. привело к следующей расстановке сил: большевики имели 65–70 % мандатов, остальные принадлежали меньшевикам и эсерам (главным образом левым). До весны-лета 1918 г. работали в Совете эсеровская и меньшевистская фракции, изрядно редевшие с каждым месяцем⁷.

Иная картина складывалась в исполкоме Совета. В дни восстания он распался: большевики ушли в ВРК, центральные комиссариаты и другие органы; меньшевики и эсеры саботировали его работу по политическим мотивам. Поэтому 27 ноября были проведены перевыборы исполкома: большую часть мест в нем получили большевики (34) и левые эсеры (10), меньшевики и эсеры были представлены незначительной группой политиков. В президиум исполкома вошли только большевики и левые эсеры. Председателем Петросовета с 13 декабря стал (и бессменно им оставался в течение всей Гражданской войны и дольше, вплоть до весны 1926 г.) Г.Е. Зиновьев, секретарские обязанности выполнял И.П. Бакаев, а членами президиума являлись П.А. Залуцкий, В. Володарский, М.М. Лашевич, В.М. Молотов, В.Ф. Ершов и левые эсеры Л.И. Диесперов и М.А. Левенсон. Ленин был избран почетным председателем Петросовета⁸.

Хотя к ноябрю 1917 г. численность Совета по сравнению с мартом того же года уменьшилась значительно, она, видимо, составляла около 1000 человек⁹. Такое количество депутатов по-прежнему делало пленумы Совета больше похожими на митинги, чем на рабочий орган. Правда, с августа 1917 г. в структуре Петросовета кроме двух секций появилось несколько отделов, занимавшихся организационными, муниципальными, агитационными и прочими делами. В начале октября количество отделов и комиссий увеличилось¹⁰.

Стремясь повысить эффективность своей работы, 17 ноября 1917 г. Петросовет постановил «разделить без всякой оттяжки районные и общегородской Советы на отделы, из которых каждый берет на себя ближайшее участие в той или иной области государственного управления»¹¹. Через месяц количество отделов с секциями и комиссиями приблизилось к двадцати. Учитывая, что это была первая разветвленная структура нового – после 25 октября – органа власти, приведем полный список подразделений Совета. На первом же заседании исполкома были образованы отделы: труда, финансовый, литературно-издательский, юридический, медико-санитарный, автомобильный, культурнопросветительный и пропагандистский, рабочей гвардии, хозяйственный; стол донесений, мандатный стол и комиссия по реквизиции, ревизионная комиссия и книжный склад. Лишь малая их часть совпадала с теми отделами и комиссиями, которые были образованы до Октября 1917 г. Позднее в составе Совета появились отделы печати и общественных работ, комиссии театральная и по охране города. Существовала при нем и тюремная секция.

Даже на первый взгляд видно, что не все ячейки этой структуры равнозначны; существование некоторых из них не поддается логическому объяснению. В самом деле, почему была театральная комиссия и не было кинематографической? Ведь кинотеатров в столице было больше, чем театров! Больше, чем автомобилей, было в Петрограде и трамваев, однако транспортно-портного отдела тоже не существовало. Удивляться, конечно, особенно нечему. Новизна дела,

⁷ Потехин М.Н. Первый Совет... С. 28, 40.

⁸ Фрайман А.Л. Форпост социалистической революции. Петроград в первые месяцы советской власти. Л., 1969. С. 182, прим. 30. У А.Л. Фраймана неточно – Диесперов. Исправлено по: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 4 (3 июля – 25 октября 1917 г.). М., 2003. С. 364 и др.

⁹ На общем собрании Петросовета 9 октября 1917 г. присутствовало, по утверждению газеты «Новая жизнь», около 1000 чел. (См.: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов... Т. 4. С. 473, прим.).

¹⁰ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов... Т. 4. С. 111, 461–462.

¹¹ Цит. по: Саутин Н.В. Великий Октябрь в деревне на Северо-Западе России (октябрь 1917–1918 гг.). Л., 1959. С. 64.

отсутствие подробных проектов переустройства общества, реакция на возникающие обстоятельства – вот объяснение сложившейся ситуации.

Похожим было положение в районных Советах. Количество отделов, формировавшихся в них в октябре-ноябре 1917 г., колебалось от 3 до 12, да и направленность работы заметно отличала их друг от друга. Отметим все же, что в районных Советах создавался продовольственный отдел, чего не было в городском. Отсутствие в Петросовете таких отделов, как продовольственный, народного просвещения, социального обеспечения, можно оправдать существованием в столице иных органов, занимающихся этими вопросами. Наличие в Петрограде Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК), СНК, народных комиссариатов, которые тоже вмешивались в течение городской жизни, ставило немало препятствий работе Совета. К тому же в столице продолжала пока еще действовать городская Дума, ее частью являлось Особое присутствие по продовольствию, снабжавшее горожан продуктами.

Согласно положению, Дума наделялась правом издавать обязательные постановления по нескольким десяткам предметов «ведомства городского управления». Сюда входили поддержание чистоты и порядка на улицах и площадях, оказание населению медицинской и юридической помощи, обеспечение горожан продовольствием и предметами первой необходимости, заведование учебными заведениями и пр. После прихода большевиков к власти многие направления деятельности Думы стали дублироваться народными комиссариатами или отделами Петросовета. Причина тому – отрицательное отношение подавляющего большинства гласных к восстанию. Большевики были представлены как в городской, так и районных Думах, но нигде не имели большинства за исключением Выборгской районной Думы. По итогам выборов 20 августа 1917 г. они получили в городской Думе треть мест (67 из 200). В городскую управу, возглавляемую городским головой эсером Г.И. Шрейдером, входили 7 эсеров, 6 большевиков, 3 кадет, по 2 меньшевика и народных социалиста (энеса), один – от группы «Единство» и один беспартийный¹².

Как и Петросовет, Дума занималась больше политическими сражениями, нежели городскими делами. Подобная тональность была задана еще накануне августовских выборов. «Подавая свой голос, он (избиратель. – А. Ч.) выражает свое отношение не только к трамвайным, продовольственным и т. д. делам, но и к вопросам государственного и экономического строя...», – высказывали свое мнение меньшевики. Под этими словами могли подписаться без колебаний представители и других политических партий, ибо их заявления были созвучными¹³. Неудивительно, что штурм Зимнего подавляющее большинство думцев встретило в штыки. «В переходные дни Дума играла очень важную роль, – вспоминал С.А. Анский (Раппопорт). – Так как правительство было арестовано, все антибольшевистские силы, как гражданские, так и военные, стали группироваться вокруг Думы, которая в качестве демократического представительного органа столицы сыграла роль политического центра»¹⁴.

Поначалу гласные попытались как-то контролировать ситуацию, сложившуюся в городе во время восстания. Образованный ими Комитет общественной безопасности заявил, что примет помощь в борьбе «с хулигански-погромными элементами» и от Временного правительства, и от ВРК. Один из членов Думы был выделен для технической связи с Военно-революционным комитетом. Но на этом, пожалуй, все контакты с большевиками закончились. После восстания стороны начали резко расходиться в противоположных направлениях. Новые власти терпели Думу некоторое время, рассчитывая или надеясь на то, что она займется городским хозяйством и не будет ввязываться в политическую борьбу. Самим большевикам в первые недели просто невозможно было справиться с управлением городом и прежде всего с обеспечением его про-

¹² Круиковская В.М. Центральная городская Дума Петрограда в 1917 г. Л., 1986. С. 57.

¹³ Там же. С. 33.

¹⁴ Анский С. После переворота 25-го октября 1917 г. // Архив русской революции. Т. 8. М., 1991. С. 44.

довольствием. Но надежды оказались иллюзорными. Дума, крайне политизированная еще до 25–26 октября, осталась такой же и после этого рубежа. Обсуждение даже сугубо бытовых вопросов на думских заседаниях неизбежно приобретало политическую окраску. А 1 ноября Дума объявила себя органом, полномочным созвать Собор представителей городских и земских самоуправлений «для воссоздания власти и порядка в стране и впредь до Учредительного собрания»¹⁵. Попытка возложить на себя миссию общероссийского масштаба не удалась. Не прекращались в течение первой недели ноября и активные попытки части думцев исключить из своих рядов гласных-большевиков. В действительности же все произошло по-иному. Большевики, стремясь сломить саботаж чиновников, чему Дума способствовала в немалой мере, и ослабить политических противников, решили ликвидировать это, по выражению Ленина, «гнездо корниловцев». События, как и положено в революционную эпоху, развивались стремительно. 9 ноября ВРК на своем заседании только поднял вопрос о роспуске городской Думы, а уже 17 ноября СНК опубликовал в печати соответствующий декрет¹⁶.

27–28 ноября состоялись выборы в новую Думу. Кадеты, меньшевики и правые эсеры их бойкотировали. Одержавшие победу большевики заняли посты председателя, товарища (т. е. заместителя) председателя и секретаря Думы. Городским головой стал М.И. Калинин. Хотя гласных избрали на срок до 1 января 1919 г., их деятельность прекратилась раньше. Многие функции Думы постепенно стали отходить к центральным комиссариатам. Думские школы перешли в ведение Наркомпроса, больницы – Наркомздрава, телефонная станция – Наркомпочтеля, а электростанции – ВСНХ и т. д. По постановлению Петросовета от 29 января 1918 г., городская управа превратилась в отдел городского хозяйства Совета. К тому же за пять дней до этого комиссариат внутренних дел опубликовал положение «О замене земских и городских самоуправлений Советами». «Там, где органы самоуправления не наши, где они выступают против советской власти, они должны быть распущены, – говорилось в нем, – а где они работают с Советами, должны слиться с ними, дабы не было двух однородных органов»¹⁷.

В течение декабря 1917 – января 1918 г. прекратили существование и районные Думы Петрограда. Кроме Выборгской и Новодеревенской, в которых большевики и левые эсеры имели большинство, остальные районные Думы солидаризировались с городской; а с районными Советами их отношения тоже не сложились. В постановлениях о роспуске говорилось о назначении в будущем новых выборов, но они так и не состоялись¹⁸.

Городская Дума и управа формально продолжали существовать еще несколько месяцев, пока наконец в сентябре 1918 г. Совет комиссаров Союза коммун Северной области (СКСО) не издал постановление об окончательном их упразднении. В середине октября завершилась ликвидация районных управ и контролировавших их комиссариатов¹⁹. К этому времени управление местным хозяйством уже полностью сосредоточилось в советских органах. Важно отметить еще одно обстоятельство: избранная в конце 1917 г. большевистская городская Дума была сориентирована на управление хозяйством города, а не на осуществление властных полномочий. Политическая власть в Петрограде распределялась между Петросоветом, ВЦИК и СНК. Такое положение сохранялось в городе до марта 1918 г.

¹⁵ Цит. по: *Кручковская В.М.* Центральная городская Дума... С. 107.

¹⁶ ДСВ. Т. 1. С. 91–92.

¹⁷ Триумфальное шествие советской власти: Документы и материалы. Ч. 2. М., 1963. С. 390.

¹⁸ *Фрайман А.Л.* Форпост социалистической революции... С. 139.

¹⁹ *Петербургская городская дума. 1846–1918.* СПб., 2005. С. 402.

Все на выборы?

Все же единственным и полновластным хозяином города, следуя большевистской теории, оставался Петросовет. Его решения должны были серьезно влиять на жизнь города и горожан, что, в свою очередь, подразумевало активное участие петроградцев в выборах высшего городского органа власти. Но результат выборов зависел не только от волеизъявления избирателей, а и от того, какая партия управляет органом, руководящим выборами, кто определяет принципы и порядок выборов и т. п. Все нити находились в руках большевиков, и это имело значение при формировании Совета.

В основу избирательной системы ими были положены принцип неравного представительства различных классов и групп населения, лишение права голоса эксплуататоров и множественный вотум, опробованные еще в революции 1905/1907 гг. Неравноправие избирателей зиждилось на главном тезисе большевиков – установлении диктатуры пролетариата. Следовательно, депутаты от рабочих должны были преобладать во властных органах. Эта цель достигалась несколькими способами. Были снижены нормы представительства в Совет от рабочих: в 1918 г. 1 депутат от 500, с 1919 г. – от 400 человек. Посланцами рабочих считались депутаты, избранные от отраслевых промышленных профсоюзов на районных беспартийных конференциях. Примечательно, что до 65 % делегатов беспартийных конференций составляли коммунисты²⁰. По одному представителю в Совет посылали заводские комитеты временно закрытых предприятий. (На 1 апреля 1918 г. в Петрограде из 773 предприятий, на которых трудились свыше 5 человек, было закрыто 231. В 1919 г. еще несколько десятков заводов прекратили работу²¹). Число пролетариев с 1 января 1918 г. по 1 января 1920 г. уменьшилось с 293 296 до 87 950 человек²². Тем не менее перечисленные меры по-прежнему обеспечивали им преобладающее место в органах власти. Даже красноармейцы и матросы, посылавшие в Совет одного депутата от 200 человек, не имели в нем численного превосходства в связи с малочисленностью Петроградского гарнизона.

Перевес депутатов от рабочих, особенно в первый год пролетарской диктатуры, достигался и косвенным образом – лишением, например, избирательного права некоторых групп населения. По Конституции 1918 г. к участию в выборах не допускались «лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли», «живущие на нетрудовой доход», торговцы и посредники, служители культа, бывшие помещики и жандармы, душевнобольные и заключенные. За исключением двух последних категорий всех остальных еще можно было с пролетарской точки зрения причислить к эксплуататорам. Но «за бортом» выборов в Петрограде до июля 1919 г. оставались домашние хозяйки, до декабря 1919 г. – трудящаяся интеллигенция, до июня 1920 г. – учащаяся молодежь. Это являлось прямым нарушением конституционных норм.

Большевики сознательно регулировали приток новых групп избирателей, гарантируя себя от поражения. В 1918 г. в выборах участвовали представители нескольких оппозиционных новой власти партий, поэтому появление на политической арене упомянутых выше категорий горожан могло привести к нежелательной для большевиков ситуации. Показательна очередность привлечения новых избирателей: не особо разбирающиеся в политике домохозяйки, политизированная, но осторожная интеллигенция и, наконец, молодежь, как и во все времена, делящая мир на «белое» и «черное» (вследствие этого радикализма наиболее непредсказуемая

²⁰ История рабочих Ленинграда. Т. 2. С. 101.

²¹ Потехин М.Н. Первый Совет... С. 252; Гоголевский А.В. Петроградский Совет в годы Гражданской войны. Л., 1982. С. 112.

²² История рабочих Ленинграда. Т. 2. С. 90. Данные по 13 основным отраслям промышленности.

группа). Отражение подобного расчета слышится и в выступлении одного партийного работника на заседании Петроградского губкома партии большевиков 2 апреля 1919 г. «Тов. Оборин, возражая тов. Судуку, говорит, что, по словам т. Судика, мы уже настолько сильны, что можем ослабить диктатуру и привлечь широкие массы, – записано в протоколе. – Можно установить три фазы в развитии диктатуры пролетариата: 1) захват власти; 2) подавление сопротивления буржуазии; 3) дальнейшее развитие и строительство. Надо решить, какой момент мы переживаем. 1-ая и 2-ая фазы, очевидно, прошли, но не всюду. И не всюду можно привлекать наших классовых врагов и обывательщину. Особенно в Питере и Петроградской губернии, где еще кипит классовая борьба... Допускать в Советы слишком широкие массы не следует»²³.

Еще одна категория избирателей – служащие – участвовала в выборах уже с 1918 г. Численность ее была значительной. По данным, приводимым М.Н. Потехиным, в середине 1918 г. из 617 000 петроградских избирателей служащих насчитывалось 148 000 человек (24 %) ²⁴. Через два года удельный вес служащих среди самостоятельного населения города составлял 38,8 %. Политические пристрастия их, видимо, были различны. Коммунистическая прослойка составляла небольшую часть. Даже среди служащих аппарата Петросовета и районных Советов в 1920 г., например, насчитывалось всего 11,5 % членов партии большевиков²⁵. Несомненно, часть новых служащих вышла из рабочих, солдат и матросов. Однако определенная преемственность старой и новой власти наблюдалась. Во-первых, многие бывшие чиновники остались на своих местах или даже заняли руководящие должности в появившихся структурах. Во-вторых, некоторые социальные группы в целом, ранее входившие во власть, сохранили эту возможность и после революции 1917 г., но на уровне персонального представительства и при определенных условиях.

Старых чиновников писательница З.Н. Гиппиус довольно удачно с психологической точки зрения поделила на «сдавшихся», «склонившихся» и «приспособившихся». «Сдавшиеся» служили советской власти не за страх, а за совесть. «Приспособившиеся» тянули лямку, думали о еде и втихомолку ругали новых правителей. «Склонившиеся», составлявшие, по мнению писательницы, большинство служащих, «с великим страданием, со стиснутыми зубами» несли «чугунный крест жизни»²⁶. Это большинство психологически не было готово выступить открыто против новой власти, не могло составить мощное объединение избирателей, способных привести к победе антибольшевистские силы. Добавим к этим трем группам еще одну небольшую, но существовавшую. В нее входили те, кто приравнивал работу к служению Родине, а не конкретному режиму. Не принимая большевиков, они тем не менее не влились в ряды саботажников. К тому же для большинства служащих, как нам представляется, в качестве побудительной причины действовал не один, а несколько факторов одновременно.

В арсенале коммунистических правителей были и иные средства для контроля над выборами. Организацией выборов занималась центральная избирательная комиссия, состоявшая в 1918 г. из представителей исполкома Петросовета и Петроградского совета профсоюзов и возглавляемая В. Володарским. Состав районных избирательных комиссий утверждался райкомами большевистской партии. Своеобразными рабочими органами комиссий на предприятиях были фабзавкомы, в большинстве своем контролировавшиеся большевиками. С этой стороны трудно было ожидать каких-то неприятностей, хотя они все-таки иногда бывали. Так, на

²³ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб.). Ф. 16. Оп. 1. Д. 12. Л. 2 об. На этот документ нам указал С.В. Яров.

²⁴ Потехин М.Н. Первый Совет... С. 66.

²⁵ Зубарев В.А. Перестройка работы Петросовета в первые годы нэпа (1921–1923 гг.) // Ленинградский Совет в годы Гражданской войны и социалистического строительства. 1917/1937 гг. Л., 1986. С. 163, 173.

²⁶ Гиппиус З.Н. Черная книжка // Под созвездием топора. Петроград 1917 года – знакомый и незнакомый. М., 1991. С. 338–339.

июньских (1918 г.) выборах в Петросовет рабочие Обуховского завода и «Арсенала» приняли резолюции, подготовленные мелкобуржуазными демократами²⁷.

Вмешивалась власть и в порядок проведения голосования. Так как четко установленного правила – тайная или открытая формы голосования – не было, избирательные комиссии ратовали за последнюю. Расчет был прост: не каждый осмелится открыто, публично выступить против намеченных властью кандидатов. Но, даже прорвавшись через эти рогатки, новоиспеченный депутат не мог чувствовать себя уверенно. Избиратели имели право отозвать его. Сам по себе этот принцип оправдан и действен, если депутата подобным образом наказывают за бездеятельность или невыполнение предвыборных обещаний. Однако в Петрограде в годы Гражданской войны неоднократно проводились перевыборы, а центральная мандатная комиссия не регистрировала депутата, если он стоял «далеко от платформы советской власти»²⁸. Подобные факты также свидетельствовали о постепенном формировании целой системы отбора представителей, полезных и угодных правящей партии.

Меры предупредительного характера пришлось принимать в связи с предвыборной кампанией, развернувшейся в городе в июне 1918 г., и ее результатами. Это были первые и самые многопартийные выборы в Петросовет после Октябрьского восстания. Участие в них приняли представители 10 политических партий, в том числе меньшевики и правые эсеры – основные и наиболее сильные оппоненты большевиков. Правда, ВЦИК 14 июня 1918 г. предложил всем Советам удалить их из руководящих государственных органов, но в Петрограде этой рекомендации не последовали. Главный вопрос, который развел крупнейшие политические партии по полюсам в предвыборной борьбе, формулировался просто: Советы или Учредительное собрание. Лозунг «Вся власть Советам!» поддержали кроме большевиков левые эсеры, и в этом отношении обе партии выступали как союзники, но своих кандидатов они проводили отдельно. По другим вопросам (Брестский мир, комбеды, продотряды и пр.) согласия у них не было. Меньшевики и правые эсеры объединились вокруг лозунга «Вся власть Учредительному собранию!», на местах же, как они считали, управление должно принадлежать органам самоуправления.

Вокруг этих лозунгов и развернулась основная агитационная борьба политических противников. Заочная дуэль на страницах «Петроградской правды», «Красной газеты», «Дела народа», «Нового луча» перетекала в очную на митингах, где выступали ораторы от разных партий. Для большего проникновения в умы и сердца потенциальных избирателей были призваны на помощь даже самодеятельные поэты, и на газетных полосах нередко появлялись вирши, литературное несовершенство которых вполне уравнивалось злободневностью темы:

Кто желает под японцев?..
И свободу свести на нет? —
Выбирают оборонцев
В обновленный наш Совет.
Пусть слова их знойно-пылки,
Сторонись лгунов, народ;
Кто ведет вас к Учредилке,
Тот к царизму вас ведет!²⁹

²⁷ История рабочих Ленинграда. Т. 2. С. 101.

²⁸ Гоголевский А.В. Петроградский Совет... С. 25.

²⁹ Красная газета. 1918. 21 июня.

Предвыборной борьбой со стороны большевиков, как ни странно, руководил не ПК. Его вклад был скромнен – в комиссию по организации выборов вошел член ПК К.Г. Аршавский, да от имени комитета часть петроградских газет опубликовала «Наказ депутатам в Совет». Набор пунктов наказа был стандартным для того периода: отстаивать власть Советов, законы о земле и рабочем контроле, бороться с врагами трудового народа, спекулянтами и мародерами, подавлять контрреволюцию. Интерес вызывает, пожалуй, последний шестой пункт: «Требовать от всякого меньшинства в новом Совете безусловного подчинения решениям, принятым большинством представителей трудового народа»³⁰. Судя по тексту, большевики были вполне уверены в своей победе и заранее пытались погасить фракционную борьбу узаконением одного из принципов демократического централизма.

Руководство предвыборной кампанией, как признавал член ПК К.И. Шелавин, «оставалось в руках исполнительного комитета Петроградского Совета, неизмеримо более сильного прежде всего по составу своих работников. И в избирательной кампании постоянно мелькают имена тогдашних советских вождей – Г.Е. Евдокимова, М.М. Лашевича, А.В. Луначарского, М.М. Володарского и других...»³¹ Непосредственной практической работой по организации и проведению выборов занимались районные комитеты партии большевиков и районные Советы.

Упорная борьба за депутатские места в Петросовете вкупе с избирательными ухищрениями принесла победу большевикам. Другие партии провели лишь 184 кандидатуры (из них 102 – левые эсеры, союзники большевиков) из 1147³². Наибольшее количество голосов меньшевики и правые эсеры получили на собраниях фабрично-заводских рабочих и служащих, железнодорожников, профсоюзов. После выборов депутаты Петросовета от фракций меньшевиков, эсеров и беспартийных приняли декларацию о злоупотреблениях большевиков во время перевыборов. Они требовали ликвидации двойного, тройного и четверного представительства рабочих, исключения из Совета «мертвых душ» в виде представителей от завкомов неработающих предприятий, соблюдения гарантии действительно демократических выборов и т. п.³³, однако никакой реакции на их выступление не последовало.

К следующим выборам, проходившим в декабре 1918 г., большевики изменили тактику. Хотя меньшевики и правые эсеры вновь выставили свои партийные списки, такого размаха агитации со стороны правящей партии, как это было летом, не наблюдалось. Агитаторы – посланцы партии большевиков и советских органов – выступали избирательно, обращая внимание в основном на те предприятия и учреждения, где существенно изменился состав работников или отмечалась активность демократических партий. Даже в «Наказе» ПК лишь один пункт из пяти нацеливал на борьбу против мелкобуржуазных социалистов. Впоследствии эта тема вообще исчезла из коммунистических напутствий будущим депутатам. Изменилась (и до конца 1920 г. оставалась неизменной) тактика меньшевиков и правых эсеров. По-прежнему критикуя политику большевиков, они уже не занимались открытой антисоветской агитацией. Впрочем, для агитации у них оставались только митинги и собрания, ибо их газеты были закрыты. К тому же среди правых эсеров произошел раскол, что не способствовало проведению успешной для них предвыборной кампании. Еще одним барьером, прежде всего для оппозиционных партий, стало правило, действовавшее при перевыборах Совета с декабря 1918 г.: «От политических партий в Совете могут иметь представительство только те партии, которые будут иметь не меньше 50 делегатов, избранных от рабочих и красноармейцев. Такие политические партии имеют право выбрать в Совет по 1 человеку на каждые 50 выбранных делега-

³⁰ Северная коммуна. 1918. 19 июня.

³¹ Шелавин К.И. Петербургский комитет большевиков седьмого созыва в 1918 году // Красная летопись. 1929. № 2 (29). С. 31–32.

³² Гоголевский А.В. Петроградский Совет... С. 56.

³³ Питерские рабочие и «диктатура пролетариата», Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. Сборник документов. СПб., 2000. С. 138–139.

тов»³⁴. В результате этих и некоторых других причин в новом Совете меньшевики получили 5 мест, правые эсеры – 1, левые – 8. Подавляющее большинство в Петросовете, насчитывавшем более 1660 депутатов, вновь осталось за большевиками³⁵.

Выборы в городской Совет в декабре 1918 г. не сопровождалась выборами в районные Советы. По зимнему (декабрьскому) варианту Устава Петроградской трудовой коммуны райсоветы формировались из депутатов Петросовета от данного района. «Такой порядок их создания значительно суживал круг <...> депутатов, избранных непосредственно на рабочих собраниях», – справедливо замечает М.Н. Потехин³⁶. В 1919 г. любые даже слабые попытки райсоветов проявить свою власть встречали сопротивление Петросовета, а 3 сентября его исполком принял постановление, которое фактически ликвидировало районные Советы. Райисполкомы не имели права вмешиваться в деятельность своих отделов, отныне подчиняющихся соответствующим отделам Петросовета. Более того, служащие райсоветов могли менять работу или должность только с разрешения президиума Петросовета. Райсоветы превратились, по сути дела, в территориальные секции горсовета. Подобная централизация противоречила в корне тем принципам демократии, которые провозглашали большевики, но была на руку верхушке городского советского руководства, позволяя ей избегать возможных (даже теоретических) проявлений непослушания со стороны районов.

Опыт первых двух избирательных кампаний был обобщен в специальной инструкции о выборах в Петроградский Совет, опубликованной в конце июня 1919 г., накануне новых выборов. Отметим, что списки кандидатов в депутаты, выдвинутых коллективами работников, передавались в фабзавкомы или правление профсоюза, красноармейцами – в военную секцию райсовета. Учитывая главенство коммунистов в большинстве завкомов и союзов, нетрудно догадаться, что уже на этом этапе представителям демократических партий приходилось нелегко. Новый отряд избирателей – домохозяйки – тоже был поставлен под контроль. Обязательность предоставления ими в домовый комитет бедноты сведений «об общественном и семейном положении» означала на практике возможность отбора и отсева голосующих. Выборы среди них проходили на митингах, для чего каждый городской район разбивался на 4–5 участков. Значительно усилилась агитационная работа. Впервые и единственный раз за годы Гражданской войны была применена такая форма агитации, как посещение квартир потенциальных избирателей. Предполагалось также проводить агитацию в чайных и столовых, трамваях и очередях. На районных конференциях-митингах, на предвыборных собраниях звучали голоса большевистского и советского руководства. Такое пристальное внимание к избирателям объяснялось в немалой степени напряженным военным и продовольственным положением Петрограда. Особое беспокойство, в частности, доставил Обуховский завод, где коммунистические лозунги, сведенные в «Наказ», были одобрены лишь незначительным большинством рабочих и служащих. На «Арсенале» «Наказ» коммунистов не прошел. Но в целом картина выборов оказалась успешной для большевиков, может быть, даже лучше, чем они сами могли ожидать.

Итоговые результаты, приводимые разными авторами, отличаются друг от друга. По одним данным, из 1750 депутатов было примерно 300 беспартийных, 2 анархиста и 3 представителя группы «Единство», которая через год вошла в РКП(б). Остальные числили себя коммунистами³⁷. По другим сведениям, из 1836 депутатов насчитывалось 338 беспартийных, 248 не указали своей партийной принадлежности и всего 1 (!) являлся левым эсером³⁸. Такого

³⁴ Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной области. Вып. 1. Ч. 1. Пг., 1919. С. 115.

³⁵ Гоголевский А.В. Петроградский Совет... С. 56.

³⁶ Потехин М.Н. Первый Совет... С. 64.

³⁷ См.: Гоголевский А.В. Петроградский Совет... С. 56.

³⁸ Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Ч. 2. Л., 1968. С. 104.

политического единообразия не было в Совете ни раньше, ни позже за весь период Гражданской войны. Связано это, на наш взгляд, с целым комплексом причин. О некоторых из них уже говорилось. Добавим еще несколько. Во-первых, за две недели до начала избирательной кампании, в момент обострения военной обстановки под Петроградом, в городе были проведены «повальные обыски в буржуазных кварталах и массовые аресты контрреволюционеров». Во-вторых, усиление активности меньшевиков и эсеров весной 1919 г. в связи с ухудшением продовольственного положения в городе обернулось против них репрессиями со стороны правящей партии.³⁹ В-третьих, учитывая эти два обстоятельства, можно допустить, что часть оппозиционеров баллотировалась как беспартийные.

За последующие полтора года петроградцы еще дважды отдавали свои голоса за депутатов Совета V созыва (в декабре 1919 г.) и VI созыва (в июне 1920 г.). К этому времени военная ситуация под Петроградом заметно улучшилась. Осеннее наступление войск генерала Н.Н. Юденича на город закончилось неудачей. Хотя продовольственное положение по-прежнему оставалось тяжелым, «играть» на нем становилось все труднее; ибо демократические партии уже давно не представляли собой организационно сплоченные группы. Все же их представительство в последующих двух Советах увеличилось. В декабре 1919 г. в Петросовет прошли 10 членов Меньшинства партии социалистов-революционеров (эсеров меньшинства), 2 меньшевика, один левый эсер и 4 представителя более мелких политических групп. Через полгода ряды демократов расширились с 17 до 24 человек: 17 эсеров меньшинства, 5 меньшевиков и 2 представителя от других антибольшевистских партий. Но на фоне всевозрастающего общего количества депутатов Петросовета (в Совете V созыва – 2022, VI – 2214 человек)⁴⁰ их роль снизилась в основном к редкому сотрясению воздуха при выступлениях на пленумах Совета. Поддержки при этом от основной части депутатов, особенно в конце Гражданской войны, оппозиционеры не получали. Анархистку Эмму Голдман, прибывшую в Петроград из США, поразила картина, которую она наблюдала на одном из заседаний Петросовета в 1920 г. «Меньшевик попросил слова. Немедленно начался ад кромешный. Крики „Предатель!“, „Колчак!“, „Контрреволюционер!“ понеслись со всех частей толпы и даже с трибуны. Это выглядело для меня как недостойный поступок для революционного собрания», – вспоминала она.⁴¹

В исполнительные органы, действительно руководившие городом, к этому времени входили только большевики. Даже беспартийные сюда не допускались, хотя в самом Совете они составляли к осени 1920 г. почти четверть депутатского корпуса (годом-двумя раньше их насчитывалось менее одной пятой). Увеличение доли беспартийных обычно объясняется сознательным привлечением коммунистами широких слоев внепартийных трудящихся к управлению государством и расширением контингента избирателей. Объяснение логичное, но вряд ли единственное. Вполне вероятно, что, выбирая беспартийного депутата, некоторые горожане тем самым выражали протест против политики коммунистической верхушки.

Конечно, подобный способ сопротивления правящей партии не был широко распространен. Чаще недовольство выражалось простым уклонением от участия в выборах. Размеры его были значительными. В декабре 1919 г. в выборах участвовали 279 000 избирателей из 480 000 (58 %), в июле 1920 – 296 600 из 562 400 человек (52,7 %). Хотя А.В. Гоголевский, приводя эти данные, указывает, что они условны, думается, все же они не столь далеки от действительных. И впоследствии активность избирателей не была высокой: в 1922 г. – 41,2 %, в 1923 – 54,9 %⁴². «Голосовала ногами» не только неорганизованная публика в лице интеллигентов, домохозяек и им подобных, но и рабочие, и служащие крупных и мелких предприятий.

³⁹ История рабочих Ленинграда. Т. 2. С. 107. 108.

⁴⁰ См.: Гоголевский А.В. Петроградский Совет... С. 56.

⁴¹ Goldman E. My disillusionment in Russia. New York, 1923. P. 21.

⁴² Зубарев В.А. Перестройка работы Петросовета... С. 175.

Костер революционного энтузиазма не мог гореть вечно. На первое место выходили прозаические причины: тяжелое продовольственное и вообще материальное положение, усталость от обилия обещаний, которые не выполнялись, видимое невооруженным глазом расслоение на «массу» и начальство, усиливающееся с каждым годом. Кроме того, среди городских жителей было немало и тех, кто старался самоустраниться от политических страстей, придерживаясь известной поговорки: «Моя хата с краю...».

Сделать это было не всегда легко. Волеизъявление горожан выражалось не индивидуально на избирательных участках, а коллективным открытым (как правило) голосованием на избирательных собраниях, проводимых на заводе, фабрике, в учреждении. В таких условиях выступать против власти решался далеко не каждый, поэтому многие предпочитали просто не ходить на собрания. Примеров тому много. Власть пыталась воздействовать на несознательных и агитацией, и наказаниями. Например, в декабре 1918 г. служащих одной из районных продовольственных управ предупредили, что в случае неявки на подобное собрание их оштрафуют в размере однодневного заработка⁴³. Видимо, и эти меры оказались не вполне эффективными. Авторы новой инструкции по выборам в Петросовет (июль 1919 г.) нашли оригинальный выход, предложив определять количество выдвигаемых депутатов, исходя из численности работающих на данном предприятии или в учреждении, а не только присутствующих на избирательном собрании. Отныне любое собрание было правомочным, и теоретически число присутствующих на нем могло оказаться меньшим, чем количество выдвигаемых ими депутатов. Конечно, существовала опасность проведения в депутаты лиц, неугодных новому режиму. Но, учитывая весь комплекс предохранительных мер, о которых уже говорилось, такая вероятность была невелика, что подтверждается и приведенной ранее статистикой.

Что же характеризовало деятельность Петроградского Совета? Насколько весомым был его вклад в городскую политику, в выработку курса новой жизни? Как уже отмечалось, первоначально Совет занимался в основном общероссийскими, в том числе и внешнеполитическими проблемами. С ноября 1917 г. по март 1918 г. не менее семи раз на заседаниях обсуждался вопрос о мире с Германией. Его сложность предопределила не только бурное обсуждение, в котором приняли участие вернувшиеся в двадцатых числах января в Совет меньшевики и эсеры, но и противоречивость решений. От признания необходимости мира в декабре 1917 г. большинство депутатов через одобрение разрыва переговоров пришли к ратификации мирного договора в начале марта 1918 г. Ленин, выступавший за мир, был чрезвычайно доволен этой развязкой событий. Он часто рассматривал Петросовет не столько как городской орган власти, сколько как некий образец для остальных Советов России. Когда возникла идея создания новой социалистической армии, Ленин, по свидетельству Н.И. Подвойского, отказался выпустить соответствующий декрет СНК до обсуждения этого вопроса на заседании Петроградского Совета, объяснив, что надо действовать демократически, через Совет⁴⁴.

Участие Петросовета в обсуждении общероссийских проблем, будь то судьба Учредительного собрания, национализация банков, формирование новых судебных органов и т. д., продолжалось до тех пор, пока в Петрограде находилась центральная власть. С перемещением ее в Москву в марте 1918 г. Совет переключился на более узкие региональные и городские проблемы. Но необходимость заниматься ими хотя бы частично возникла уже с начала декабря 1917 г. после ликвидации ВРК. Борьба с винными погромами и очистка города от снега, безработица и продовольствие, транспортный и жилищный вопросы – с этим депутатам пришлось столкнуться в первые же недели и месяцы правления новой власти. Некоторые из этих вопросов и впоследствии не раз значились в повестках дня заседаний Петросовета. Правда, частотность появления была разной. Продовольственные проблемы депутаты чаще решали в 1918 г.,

⁴³ См.: Гоголевский А.В. Петроградский Совет... С. 21.

⁴⁴ См.: Фрайман А.Л. Форпост социалистической революции. С. 237.

точнее даже в мае и августе, когда продовольственный кризис принял наиболее острую форму. В 1919 и 1920 гг. о продовольствии говорили больше в связи с работой столовых и развитием огородничества, хотя ситуация если и улучшилась, то не настолько, чтобы ее не нужно было обсуждать. Осенью 1919 – весной 1920 г. депутаты занимались решением топливной проблемы. Военная ситуация под Петроградом к этому времени значительно улучшилась, промышленность начала оживать, и снабжение ее топливом стало первостепенным делом. О самой промышленности разговор шел тоже главным образом в 1920 г., а вот вопрос о партиях, оппозиционных большевикам, в это время на пленумах Петросовета уже не поднимался. Начав еще в 1917 г. с характеристики кадетов как «врагов народа», одоблив разоружение анархистских отрядов весной 1918 г., депутаты проявили некоторые сомнения лишь в отношении левых эсеров. Несмотря на рекомендации центра об удалении их из властных органов в связи с мятежом 6 июля 1918 г., Петросовет почти год пытался «отделить овец от козлищ»: исключить из своих рядов тех, кто поддержал июльский «мятеж», и оставить тех, кто не согласился с линией ЦК левоэсеровской партии. Однако поддержка левыми эсерами выступления моряков 2-го флотского экипажа в октябре 1918 г., а затем «волынок» на предприятиях города в марте 1919 г. переполнила чашу терпения большинства депутатов и Петроградской ЧК. В декабре 1919 г., как уже указывалось, в Совет был избран всего один левый эсер, в 1920 г. – ни одного. Зато представителей партии эсеров меньшинства после июньских выборов 1920 г. в Петросовет прибавилось по сравнению с выборами в декабре 1919 г.: с 10 до 17 депутатов. Их деятельность, по-видимому, не обсуждалась на пленумах Совета, хотя фракция эсеров меньшинства в феврале 1920 г. обратилась к депутатам со специальной декларацией, в которой изложила свои взгляды на дальнейшее переустройство общества. Шестистраничный машинописный документ заканчивался уверенностью, что «Петроградский Совет, несмотря на почти исключительно коммунистический его состав, <... > не с узкой партийной, а с классово-революционной и социалистической точки зрения придет к правильным и глубоко продуманным ответственным решениям <... > и даст рабочим и крестьянам полноту творчества трудовой жизни»⁴⁵. Дискуссии, увы, не получилось. На третий день после поступления в канцелярию исполкома Петросовета декларация перекечевала в ПК. Депутаты, видимо, о ней так и не узнали. Более того, вскоре эсеры меньшинства, обвиненные ПК в противодействии большевистской внешней политике и организации забастовки на Александровском заводе, стали преследоваться петроградскими чекистами⁴⁶.

Вытесняя политических соперников из Совета, большевики тем самым укрепляли в нем свое положение. Имея уже летом 1918 г. более половины мест в высшем городском органе власти, к концу 1920 г. они получили здесь более двух третей. Учитывая, что в исполнительные органы после весенних событий 1919 г. входили только коммунисты, вывод напрашивается сам собой: господство большевиков в советских органах было безраздельным и непоколебимым. В других губернских городах ситуация была сходной.

К такому результату партия большевиков шла вполне осознанно и целеустремленно. Провозгласив Советы политической властью, она тем не менее рассматривала именно самую себя как руководящую силу и не скрывала этого. «Пока управлять будет правящая партия, – подчеркивал Ленин, – пока эта партия должна решать все вопросы о разных назначениях, вы не допустите, чтобы важнейшие государственные назначения делала не руководящая партия»⁴⁷. Левые эсеры, единственные и временные союзники большевиков, нечасто получали ведущие посты как в центре, так и на местах.

⁴⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 990. Л. 6.

⁴⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 370. Л. 2–4.

⁴⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 166.

Характерной особенностью первых послеоктябрьских месяцев стал отлив большевистских сил из партийных организаций в советские. Не был исключением и Петроград. «В советский аппарат с головой уходит вся руководящая часть партии... – писал об этом периоде Зиновьев в одной из статей 1921 г. – Основной задачей в то время является создание нового государственного аппарата на пепелище старого строя... Чисто партийная работа на время как бы ослабевает»⁴⁸. Его слова перекликаются с воспоминаниями Шелавина о работе ПК в марте – начале июня 1918 г.: «Тогдашний исполнительный комитет Петроградского Совета во многих случаях, а в особенности в продовольственном деле, заменял собою Петербургский комитет РКП(б)»⁴⁹.

Но уже с весны 1918 г. начался обратный процесс «назад в партию», усилившийся со второй половины того же года. Советы оказались заражены бюрократизмом и волокитой, отчуждением от масс и чиновничьим чванством – «закомиссарились», как объяснял Зиновьев в той же статье. Лишь партия, по его мнению, могла «исправить ошибки, наладить работу, перетряхнуть аппараты и людей, учесть богатый опыт, помочь рабочим учиться управлять государством»⁵⁰. Вряд ли эту причину можно считать действительной для процесса «назад в партию», поскольку и партия не была свободна от этих отрицательных явлений. Председатель ВЦИК Я.М. Свердлов считал, что после ратификации Брестского мирного договора советы как власть были ограничены в некоторых действиях, которые «возможно проводить через партию»⁵¹. Отметим также, что, как нам представляется, изменение тактики вызывалось не в последнюю очередь и стремлением удержать власть. Натолкнувшись поначалу на сопротивление в советах, большевистское руководство решило построить собственную – партийную – ветвь власти. Кроме того, переход к советам экономических, культурно-бытовых вопросов от прежних органов управления как бы «растворял» политическую функцию советов среди других. И с этой стороны большевикам было удобно забрать реальную политическую власть, оставив ее – номинально – в ведении советов.

Однако в самом Петрограде партийные структуры не раз сталкивались с мощным сопротивлением со стороны советских органов, когда пытались «исправить ошибки» и «помочь рабочим учиться управлять государством». После июльского левоэсеровского мятежа Петросовет послушался не только рекомендаций ВЦИК, но и постановления ПК, решившего переизбрать всех левых эсеров – членов городского и районных Советов. Фракция левых эсеров продолжила свою работу, а часть их вошла, как было уже сказано, в состав исполкома. Июль еще не кончился, как между ПК и исполкомом возник новый конфликт, в котором обе стороны пытались выяснить, кому из них принадлежит право отпускать из Петрограда партийных работников⁵². Избавлению от постоянных скандалов не помогли ни переезд ПК в августе 1918 г. из дома № 48 по Литейному проспекту в Смольный, по соседству с Советом, ни вхождение в состав ПК в сентябре того же года ряда руководящих работников исполкома Петросовета. К этому времени вопрос о взаимоотношениях между партией большевиков и местными Советами встал и в других губерниях России и, имея принципиальное значение, должен был решаться не на местном, а на общероссийском уровне. Но идею – обсудить проблему «партия и Советы» на предстоящем съезде РКП(б) – выдвинули петроградцы. Непосредственным поводом к этому стали еще два конфликта, переполнившие чашу терпения партийных функционеров.

17 января 1919 г. на заседании Северного областного комитета (СОК) РКП(б) Е.Д. Стасова сообщила, что нарком просвещения РСФСР А.В. Луначарский неправильно информиро-

⁴⁸ Зиновьев Г.Е. Наша партия за четыре года революции // День великой революции. Однодневная газета... 1921. 7 ноября.

⁴⁹ Шелавин К.И. Из истории Петербургского комитета большевиков в 1918 г. // Красная летопись. 1929. № 1 (28). С. 83.

⁵⁰ Зиновьев Г.Е. Наша партия за четыре года...

⁵¹ Из доклада Я.М. Свердлова о VII съезде партии на собрании актива Нижегородской организации РКП(б) 23 марта 1918 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 106.

⁵² Шелавин К.И. Петербургский комитет большевиков... С. 33–35.

вал Ленина о мобилизации, проводившейся в Детском Селе, чем вызвал гневную ленинскую телеграмму в адрес СОК, наполненную ложными обвинениями. Постановив призвать Луначарского «к порядку за нарушение партийной дисциплины», члены комитета решили настаивать перед ЦК РКП(б) на скорейшем созыве съезда партии⁵³. Через две недели на заседании СОК проблема «партия – Советы» вновь стала предметом обсуждения. Теперь речь шла о конфликте между СОК и комиссаром по внутренним делам СКСО С.Н. Равич, которая без согласования с партийными органами выдала мандаты, предоставлявшие следователям чрезвычайные полномочия. Равич также была «призвана к порядку», а члены СОК решили проводить на будущем партийном съезде идею о верховенстве партии над Советами. Советская верхушка города также не осталась в долгу. Зиновьев опубликовал в «Петроградской правде», членом редколлегии которой он являлся, статью, где осуждалось поведение СОК и высмеивались его постановления. Одновременно Совет комиссаров СКСО потребовал от СОК, чтобы в тех случаях, когда у последнего «возникает недовольство деятельностью того или другого комиссара», он предварительно обращался бы в Совет комиссаров⁵⁴. Позицию СОК поддерживал ПК. Дискуссия перекинулась на страницы петроградских газет и в районные организации. Тезисы ПК, основная идея которых выражалась формулой: «Руководить деятельностью Советов, но не заменять их»⁵⁵, легли в основу соответствующего решения, принятого VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г.

Увы, формулировка осталась лишь лозунгом. На том же партийном съезде Ленин заявил, ссылаясь на низкий культурный уровень населения России, что «Советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся через передовой отряд пролетариата»⁵⁶, т. е. через партию большевиков. Это была, по справедливому замечанию видного отечественного историка П.В. Волобуева, коренная перемена взглядов на Советы. Отныне центром политической системы становились не они, а большевистская партия, использующая Советы в качестве рычага⁵⁷. И хотя вопрос о разделении полномочий будоражил умы функционеров и на последующих советских и партийных съездах и конференциях, на деле монополия партии укреплялась.

Петроград к этому времени тоже не стал исключением из общего правила. Когда летом 1919 г. все 6 членов президиума Петросовета во главе с Зиновьевым вошли в состав ПК⁵⁸, исчез последний личностный повод для возникновения конфликтов между партийными и советскими органами города. Раздражающая «наместника Петрограда» ситуация, при которой он – член Петроградского бюро ЦК РКП(б) с марта 1918 по март 1919 г. – не являлся членом городского комитета партии, наконец-то изменилась.

Петроградский Совет все больше и больше превращался в марионетку, нити управления которой находились в руках даже не всей партийной организации города, а группы ее представителей, практически несменяемых и к тому же занимающих ключевые посты и в советских органах. Формирование Петросовета, и ранее проводившееся с удобных для коммунистов позиций, отныне полностью перешло к ним. Вот несколько примеров. 12 июля 1919 г. ПК, обсудив итоги только что прошедших выборов в Совет, которые принесли победу большевикам, тем не менее решил дополнить состав Совета 12 коммунистами от политуправления Петроградского военного округа и 14 представителями от райкомов⁵⁹. В 1920 г. партийный контроль стал воистину всеобъемлющим. В июне ПК устанавливает сроки перевыборов Петро-

⁵³ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 301. Л. 2 об.

⁵⁴ Там же. Л. 3 об., 4.

⁵⁵ Петроградская правда. 1919. 9 февраля.

⁵⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 170.

⁵⁷ См.: Волобуев П.В. Власть Советов: расчеты и просчеты (1917/1923) // Коммунист. 1991. № 11. С. 81.

⁵⁸ См.: Гоголевский А.В. Петроградский Совет... С. 84.

⁵⁹ Очерки истории Ленинградской организации КПСС... С. 105.

совета, а бюро ПК формирует состав центральной избирательной комиссии⁶⁰. На первом заседании объединенного губкома 5 июля были избраны персонально председатель Петросовета и его секретарь, секретарь и члены исполкома, члены большого президиума, т. е. все руководящее ядро. Депутатам оставалось лишь утвердить этот список. Примечательно, что из 19 членов и кандидатов в члены большого президиума исполкома по крайней мере 15 (80 %) являлись членами губкома партии или его кандидатами⁶¹. Именно они и вершили судьбу города в последний год Гражданской войны.

⁶⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 738. Л. 153 об.

⁶¹ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 33. Л. 49, 51–53, 76–77.

На верхних этажах управленческой пирамиды

Многочисленность депутатов превращала Петросовет в достаточно громоздкий и неповоротливый орган, что с самого начала привело к повышению роли исполнительных структур. На фоне активно вмешивающейся в жизнь Петрограда центральной власти эти структуры выглядели поначалу блекло, но положение стало меняться с марта 1918 г.

Поздно ночью 10 марта со станции Цветочный пост, расположенной около Заставской улицы за Московскими воротами, отошел специальный поезд № 4001. Советское правительство отбывало в Москву. «Период Смольного» кончился, начиналась «эра Кремля». 12 марта петроградские газеты опубликовали пространное сообщение. Из него горожане узнали, что исполком Петросовета «установил местный орган власти, который будет управлять Петроградской трудовой коммуной под контролем и руководством Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». Совет народных комиссаров – так он назывался – должен был приступить к работе после утверждения его персонального состава Петросоветом в тот же день. Исполком Совета предлагал на обсуждение и одобрение депутатам следующие кандидатуры: председатель СНК – Г.Е. Зиновьев, комиссары: просвещения – А.В. Луначарский, финансов – В.Р. Менжинский, городского хозяйства – М.И. Калинин, продовольствия – М.М. Лашевич, юстиции – П.И. Стучка, Совета народного хозяйства – В.М. Молотов, социальной помощи – А.А. Иоффе, по Петроградскому военному округу – И.Т. Смирнов, транспорта – М.К. Владимирский, советской печати, агитации и пропаганды – В. Володарский.

Вместе с СНК ПТК был сформирован ВРК, получивший «чрезвычайные полномочия для охраны революционного порядка в Петрограде и защиты его от внешнего врага»⁶². Вся деятельность ВРК, руководимого Л.Д. Троцким, ограничилась несколькими жесткими заявлениями. Поскольку Троцкий воспротивился вмешательству политических комиссаров в распоряжения военных специалистов, большинство Петроградского бюро ЦК большевиков настояло на смещении его с этого поста⁶³. Как сообщило Петроградское телеграфное агентство, Троцкий был назначен 13 марта наркомом по военным делам и отбыл в новую столицу.

ВРК распался, а Петроградский СНК с благословения Петросовета приступил к работе. Правда, слово «народных» из названия было сразу же изъято: уж слишком сильно смахивало название на центральный орган, возглавляемый Лениным. Тем не менее определенная переключка с кремлевским СНК осталась, например, в функциональном делении комиссариатов. В течение второй половины марта-апреля 1918 г. к уже существующим прибавились комиссариаты внутренних дел (его возглавил М.С. Урицкий), иностранных дел (А.А. Иоффе), путей сообщения (А.Д. Нагловский), народного здоровья (Е.П. Первухин) и труда (В.В. Шмидт)⁶⁴.

Название «Петроградская трудовая коммуна» было навеяно романтической историей Парижской Коммуны, пример которой оказал сильнейшее влияние на всю деятельность руководства большевистской партии. Применительно к Петрограду это выражение встречается на страницах печати и в выступлениях большевистских лидеров уже с января 1918 г. Вполне логично, что впоследствии оно было закреплено официально. Возможно, тем самым, как пишет М.Н. Потехин, Зиновьев и его сторонники стремились возвеличить свою власть и противопоставить себя ленинскому совнаркому⁶⁵. Но стоит, на наш взгляд, учитывать и дух революционной романтики, присущий многим большевикам в первый период революции.

⁶² Красная газета. 1918. 12 марта; Правда. 1918. 12 марта.

⁶³ Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007. С. 321.

⁶⁴ С 18 марта комиссаром по Петроградскому военному округу стал С.П. Восков, с 4 апреля комиссаром по социальной помощи – З.И. Лилина, юстиции – Н.Н. Крестинский.

⁶⁵ См.: Потехин М.Н. Первый Совет... С. 52.

Как бы то ни было, появление Совета комиссаров не только не упорядочило структуру власти и управления в Петрограде, но вконец ее запутало. 18 марта «Красная газета» довела до сведения горожан, что Петроградский Совет остается «верховным органом местной власти» и сообразует свою работу с постановлениями ВЦИК и СНК России. Остается и исполком Петросовета, заменяющий Совет «во всех случаях, не терпящих отлагательств». Новообразованный орган – Совет комиссаров – непосредственно осуществляет местную власть, неся ответственность и перед Советом, и в ряде случаев перед его исполкомом. Комиссариаты, включив в себя соответствующие отделы Петросовета, «объединяют в своих руках все отдельные отрасли местной работы». Их руководство, кстати, простиралось и на местные органы центральных российских комиссариатов.

Громоздность и путаность структуры очевидны. При наличии исполкома Петросовета Совет комиссаров выглядел совершенно ненужным звеном. Но дробление на этом не заканчивалось. Совет комиссаров, в свою очередь, делился на большой и малый. На заседаниях первого рассматривались наиболее принципиальные вопросы, второго – текущие проблемы. Наконец, существовал еще и президиум Совета комиссаров. Подобная пирамидальная структура копировала полностью построение центральных органов управления. С чем это было связано? Можно видеть в этом своеобразное стремление Зиновьева стать «Лениным петроградского масштаба». Возможно, в последующем Совет комиссаров заменил бы полностью исполком Петросовета. Но при этом следует все-таки учитывать общую теоретическую неразработанность проблемы государственных и местных органов власти и управления. Весной 1918 г. Совнаркомы существовали в Московской, Курской, Астраханской, Бакинской губерниях, Казанской республике и других местностях. В Иркутске были образованы три совнаркома: городской, уездный и сибирский⁶⁶.

Многообразие руководящих и исполнительных органов, вполне могущее запутать рядового петроградца 1918 г., современного читателя или исследователя-правоведа, не усложняло деятельности власть имущих в Северной столице в то время. Большинство из них являлось членами почти всех перечисленных выше органов. Зиновьев одновременно входил в состав президиума, большого и малого Советов комиссаров, являлся его председателем и председателем исполкома Петросовета и, естественно, членом Петроградского Совета. Все комиссары тоже были членами Совета и его исполкома. «На заседаниях исполнительного комитета и Совета комиссаров зачастую рассматривались сходные вопросы», – замечает А.В. Гоголевский⁶⁷. А в протоколах мелькают одни и те же фамилии: Г.Е. Зиновьев, И.П. Бакаев, С.И. Гусев, А.А. Копяткевич, М.М. Лашевич, М.С. Урицкий, З.И. Лилина... Они и еще несколько человек, стоявших на верхних этажах управленческой пирамиды, определяли политику в Петрограде.

Пока горожане привыкали к новым, весьма звучным названиям руководящих органов Петрограда, ситуация вновь резко изменилась. В конце апреля в городе на Неве собрался 1-й съезд (после Октября 1917 г.) Советов Северной области. (Строго говоря, первым считался съезд Советов Северной области, проходивший в Петрограде в середине октября 1917 г.) Подавляющее большинство делегатов из Архангельской, Вологодской, Новгородской, Олонецкой, Петроградской и Псковской губерний поддержали идею создания Союза коммун Северной области (СКСО)⁶⁸. Они избрали Совет комиссаров СКСО, во главе которого встал Зиновьев.

⁶⁶ См.: Ирошников М.П. Рожденное Октябрем. Л., 1987. С. 152–153.

⁶⁷ Гоголевский А.В. Петроградский Совет... С. 74.

⁶⁸ Некоторые отечественные историки (М.К. Ветошкин, В.М. Губарева) видели в создании СКСО только воплощение сепаратистских взглядов Зиновьева и его сторонников. З.Л. Серебрякова в статье «Областные съезды Советов в 1918 г. (январь-июнь)» (Исторический опыт Великого Октября. М., 1975. С. 189–190) полагает, что этот процесс имел и объективно положительное значение. Не отрицая этих выводов, добавим, что в реальности СКСО для укрепления власти Советов удалось сделать немного, потому что организационный этап затянулся и во многом из-за того, что он был отягощен сопротивлением центробежных сил, направленных против существования этого областного объединения. В начале апреля 1918 г. на I областной партийной конференции был избран Северный областной комитет РКП(б) для руководства партийными организациями

вьев. Совет комиссаров управлял деятельностью 16 комиссариатов, либо созданных на базе комиссариатов Петроградской трудовой коммуны, либо вновь образованных (национальностей, земледелия, почт и телеграфов, государственного контроля). Схема построения высших органов СКСО копировала структуру общероссийских советских органов.

Наряду с главами новых комиссариатов в Совет комиссаров СКСО вошел весь Совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны. Бывшие городские комиссары, отвечавшие теперь за судьбу Северной области, лишь сменили таблички на дверях своих кабинетов и распорядились заказать новые штампы и печати. Руководство областью, как и раньше городом, сосредоточилось в Смольном. Комиссары подчинялись областному центральному исполнительному комитету, председателем которого был тот же Зиновьев, подотчетному областному съезду Советов – высшему органу власти Северной области.

Создание СКСО еще больше усложнило порядок управления городом. Стремление авторов двух Уставов Петроградской трудовой коммуны (первый был составлен в Совете комиссаров СКСО в мае 1918 г., второй принят Петроградским Советом 29 декабря того же года) упорядочить иерархию власти только подтверждает это. По весеннему варианту Устава высшая власть в городе по-прежнему принадлежала Петросовету, исполнительным органом которого являлся исполком. Восстанавливались отделы Петросовета, подчинявшиеся и городскому Совету, и областным комиссариатам. Сам Петроградский Совет также должен был исполнять распоряжения не только ВЦИК и СНК РСФСР, что соответствовало Конституции 1918 г., но и областного правительства. Зимний вариант Устава еще больше усиливал эту зависимость от областной власти: городской Совет обязывался согласовывать свои постановления с решением органов СКСО. Вместо отделов Петросовета предлагалось создать уже городские отделы областных комиссариатов, т. е. Петроградский Совет лишался теперь и своей опоры. Все же областные комиссариаты, располагавшиеся в Петрограде, часто решали и городские проблемы. Нередко даже многие губернии, входившие в Северную область, оказывались обделенными их вниманием.

Но выдержать полностью эту чрезвычайно усложненную структуру не удалось. Жизнь вносила свои коррективы. В частности, наряду с областным комиссариатом по продовольствию в Петрограде с мая 1918 г. действовал и городской – Петрокомпрод, возглавляемый сначала К.К. Стриевским, а затем А.Е. Бадаевым.

Существование СКСО было кратковременным и весьма неустойчивым. Трения между Москвой и Петроградом, возникшие по этому поводу сразу же после образования Северной области, не прекращались на протяжении всего 1918 г. А после того как в конце декабря того же года Вологодская губерния заявила о своем выходе из Союза коммун, СКСО стал распадаться. Третий съезд Советов Северной области, открывшийся в Петрограде 24 февраля 1919 г., признал «рациональным ликвидировать СКСО»⁶⁹. Правда, заседания Совета комиссаров продолжались еще до апреля, поскольку моментально перестроить структуру управления регионом было невозможно⁷⁰.

В Петрограде вновь взялись за переименование управленческого аппарата. Комиссары, ставшие заведующими отделами Петроградского Совета, снова начали менять печати, таблички и штампы. Принцип организации отделов остался прежним – отраслевым. К осени 1919 г. число отделов достигло 15 и охватило почти все сферы городской жизни. Исключение составили лишь социальное обеспечение, связь (эти отделы были преобразованы из комиссариатов в конце 1919 и первой половине 1920 г.), национальные дела, агитация и пропаганда.

губерний, вошедших в состав Северной области.

⁶⁹ См.: *Губарева В.М.* Борьба большевиков за установление и упрочение советской власти на Северо-Западе России. Л., 1982. С. 130. Ровно через месяц по постановлению ЦК РКП(б) был упразднен Северный областной комитет РКП(б).

⁷⁰ *Вихров В.М.* Коммунистический лидер Г.Е. Зиновьев во главе Петрограда-Ленинграда (конец 1917 г. – начало 1926 г.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2011. С. 37.

Верхняя часть надстройки тоже изменилась. Состав исполкома Петросовета значительно расширился за счет представителей от большевистских, военных и комсомольских организаций. Членами исполкома являлись и заведующие отделами Совета. Естественно в полном, да и в неполном составе такой исполком часто собираться не мог (за первое полугодие 1920 г. состоялось 19 его заседаний), поэтому из состава исполкома был выделен президиум, а из последнего – малый президиум. Чиновничья пирамида сохранилась, уцелели в основном и уже знакомые петроградцам персоны: Зиновьев, Бакаев, Равич, Зорин, Бадаев и др.

Казалось бы, теперь – к середине 1920 г. – административные пертурбации закончились. Опытным путем была установлена, как тогда казалось коммунистическим лидерам, достаточная эффективность управленческой системы, основанной на централизации, пирамидальности, жестком вертикальном подчинении. Но Смольный не мог жить без потрясений: началось объединение губернских и городских советских и партийных органов. Импульс этим потрясениям был задан еще в период агонии СКСО – в январе 1919 г. Тогда административная комиссия СКСО выдвинула проект слияния аппаратов исполкома СКСО и Петроградского губисполкома. Против этого предложения выступили участники 2-й петроградской конференции РКП(б)⁷¹. Тем не менее идея не была окончательно похоронена. Военные события под Петроградом весной и осенью 1919 г., неопределенная позиция Кремля по поводу объединения, сопротивление со стороны губернских чиновников лишь отодвинули ее на время. Возможно, дискуссия затянулась бы еще на продолжительное время, если бы не неожиданная помощь Москвы сторонникам объединения. В конце декабря 1919 г. сначала в «Известиях ВЦИК», затем в «Петроградской правде» был напечатан декрет ВЦИК «об упрощении» аппарата советской власти. Он предусматривал слияние городских и губернских исполкомов в Москве и Петрограде. Спустя несколько дней выяснилось, что этот декрет является лишь проектом и, следовательно, не имеет силы закона, но колесо уже завертелось. Сторонники объединения – члены президиума Петросовета, возглавляемые Зиновьевым – уже 2 января 1920 г. образовали комиссию для претворения своей идеи в жизнь⁷².

Ошибка центральных властей (в которой, кстати, признался секретарь президиума ВЦИК А.С. Енукидзе на страницах «Известий ВЦИК» через два дня после опубликования проекта декрета и о которой членам губкома и губисполкома было известно) внесла разлад в ряды советских и партийных функционеров губернии. На объединенном заседании губернских исполкома и комитета РКП(б) 3 января 1920 г. председатель губисполкома П.Л. Пахомов заявил: «До сих пор в нашей среде сторонников объединения не было. В настоящее время положение значительно изменилось». «Губисполком власти фактически не имеет. <...> Влачить в дальнейшем жалкое существование не имеет смысла», – с грустью констатировал Н.А. Кубяк. «Светила города испепелят нас», – возражала ему М.Н. Мино. Все же сторонников самостоятельности на сей раз оказалось больше; в принятой резолюции было записано: «Считать нецелесообразным объединение»⁷³.

Новая волна обсуждения поднялась весной, когда ВЦИК решил объединить губернский и городской советы народного хозяйства. По мнению Зиновьева, это неизбежно влекло за собой и «слияние губ– и горисполкомов и партийных организаций». Губерния еще пыталась не сдавать свои позиции, но колебания в рядах управленцев усилились. На заседании губкома РКП(б) было решено передать вопрос об объединении на суд ЦК партии. После этого предполагалось созвать губернскую партийную конференцию, объявить на ней решение ЦК и, естественно, подчиниться ему. Но развязка наступила быстрее, чем ее ожидали. 11 мая бюро губкома, большинство которого составляли противники объединения, опять высказалось за раздельное

⁷¹ Губарева В.М. Борьба большевиков за установление и упрочение советской власти на Северо-Западе России. С. 128–129.

⁷² См.: Гоголевский А.В. Петроградский Совет... С. 88.

⁷³ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–3.

существование губернии и города. Но собравшиеся в этот же день члены губкома решили наоборот. Последние сомнения отпали после того, как 30 июня на совещании активных работников ПК Зиновьев заявил, что и ЦК высказался за объединение. При этом он сослался на Н.Н. Крестинского. Правда, когда член бюро губкома Е.Д. Стасова позвонила в Москву Крестинскому, выяснилось, что он высказал лишь свое мнение в ответ на запрос Зиновьева. Впрочем, к этому времени ничего уже нельзя было изменить, ибо и последние защитники губернской свободы сдали свои позиции: город окончательно победил деревню. 5 июля губком собрался в новом составе, включавшем как губернских, так и городских партийных работников. На этом же заседании был определен численный состав губисполкома и избран персонально его большой президиум: Н.М. Анцелович, Г.Е. Евдокимов, П.И. Судаков, А.С. Ку克林, И.П. Бакаев, М.А. Трилиссер, М.М. Лашевич, С.Н. Равич, С.С. Митрофанов, К.А. Юносов, Г.Е. Зиновьев, Михайлов. Одним из шести кандидатов в члены большого президиума стал С.С. Зорин – секретарь Петроградского губкома партии большевиков. На посту председателя Совета остался Зиновьев⁷⁴.

Главными аргументами в пользу объединения городские власти выдвигали упрощенность структуры управления, сокращение штата чиновников и отсутствие в губернии опытных работников, могущих ею управлять. В действительности этим ожиданиям не удалось сбыться. Прежние губернские отделы влились в городские на правах подотделов, тем самым увеличив, а не уменьшив ряды управленцев. Состав губисполкома расширился с 40 до 53 человек, что не способствовало оперативности и гибкости в управлении. К тому же теперь он находился в тройном подчинении: российским властям (ВЦИК и СНК), губернскому съезду Советов и Петроградскому городскому Совету рабочих и красноармейских депутатов. В советском и коммунистическом аппаратах губернии высшие посты заняли работники городских структур. В новом губкоме их было в три раза больше, такое же соотношение наблюдалось и в большом президиуме Петросовета. «Светила города», как и предсказывала М.Н. Мино, вошедшая, кстати, в состав объединенного губкома, «испекли губернию».

⁷⁴ Там же. Л. 47, 48, 51.

На политическом олимпе: Григорий Зиновьев

Главной фигурой на политическом олимпе Петрограда времен Гражданской войны был, несомненно, Г.Е. Зиновьев. Влияние председателя Петросовета, председателя Совета комиссаров СКСО и прочих органов власти на жизнь в городе было столь велико, что некоторые мемуаристы небезосновательно называли его «диктатором» или «царьком». Имя Зиновьева ежедневно и не единожды встречалось на страницах петроградских газет. Его «огромный голос тенорового тембра, чрезвычайно звонкий»⁷⁵, звучал на митингах и собраниях, заседаниях и конференциях, которыми изобиловала жизнь революционного Петрограда. Порой обыватели могли лицезреть Зиновьева и при его передвижениях по городу. Язвительная З.Н. Гиппиус вспоминала: «Любопытно видеть, как „следует“ по стогнам града „начальник Северной коммуны“. Человек он жирный, белотелый, курчавый. На фотографиях, в газете, выходит необыкновенно похожим на пышную, старую тетку. Зимой и летом он без шапки. Когда едет в своем автомобиле – открытым, – то возвышается на коленях у двух красноармейцев. Это его личная охрана»⁷⁶.

На полноту Зиновьева обращали внимание многие мемуаристы. «Григорий Зиновьев, приехавший из эмиграции худым как жердь, так откормился и ожирел в голодные годы революции, что был даже прозван Ромовой бабкой», – замечал позднее Ю. Анненков⁷⁷. Обвинения Зиновьева в том, что он «ожирел на выжатых из голодного населения деньгах»⁷⁸, довольно часты среди его противников и в какой-то мере справедливы. Питание высших слоев партийной и советской номенклатуры заметно и в лучшую сторону отличалось от питания подавляющего большинства населения города. Нелишнее все же заметить, что с юности Зиновьев страдал болезнью сердца, которая давала предрасположенность к полноте. Болезнь помешала ему окончить Бернский университет, где он учился сначала на экономическом, затем на юридическом факультетах⁷⁹, но не помешала связать свою жизнь с большевистской партией.

К 1917 г. популярность Зиновьева среди партийного ядра была велика. Он все время шел вторым после Ленина: в апреле 1917 г. при выборах в ЦК кандидатуры Ленина и Зиновьева были приняты без обсуждения; в июле-августе на VI съезде РСДРП(б), опять же на выборах в ЦК, Зиновьев получил 132 голоса из 134, всего на один голос меньше, чем Ленин. Фамилиями Ленина и Зиновьева открывался список представителей большевиков в Учредительное собрание. Даже несогласие Зиновьева с курсом партии на вооруженное восстание и демонстративный выход в ноябре 1917 г. из состава ЦК не поколебали его позиций в партии. Ленин рекомендовал выдвинуть кандидатуру Зиновьева на пост председателя Петроградского Совета, и с 13 декабря 1917 г. в течение восьми с лишним лет Зиновьев был руководителем советских органов города. А «в марте 1918 года, когда Совнарком решил переезжать из Петрограда в Москву, Ленин заявил в Смольном, что хочет оставить Троцкого в Петрограде главой питерского Совнаркома, а Зиновьева взять с собой в Москву». Это утверждение А.Д. Нагловского, бывшего при Зиновьеве комиссаром путей сообщения, косвенно подтверждается упоминавшимся уже сообщением о создании в Петрограде 11 марта 1918 г. ВРК во главе с Троцким. Но питерская

⁷⁵ Луначарский А. Г.Е. Зиновьев (Радомысльский) // А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 295. П.А. Сорокину голос Зиновьева казался «высоким женским» (См.: *Сорокин П.* Долгий путь. Сыктывкар. 1991. С. 97), К.И. Чуковскому – «сиплым и сытым» (См.: Чуковский К.И. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 129).

⁷⁶ Гиппиус З.Н. Черная книжка. С. 359.

⁷⁷ Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Т. 1. Л., 1991. С. 32.

⁷⁸ Соломон Г.А. Среди красных вождей. М., 1995. С. 311.

⁷⁹ Васацкий Н.А. Г.Е. Зиновьев – страницы жизни и политической деятельности // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 112.

партийная верхушка поддержала Зиновьева, и Ленину пришлось с этим согласиться⁸⁰. Трудно сказать, насколько самому Зиновьеву понравился этот выбор. Ясно одно: масштаб обычного, заурядного города его не привлекал. Зиновьев был рьяным сторонником создания СКСО и долго сопротивлялся последующим указаниям Москвы о ликвидации Союза коммун. Потерпев поражение, он начал усиленно проводить в жизнь новый проект – объединение города и губернии – и добился успеха. Конечно, и образование СКСО, и слияние «города и деревни» нельзя сводить только к честолюбивым замыслам Зиновьева. Были и другие сторонники этих объединений, было, во всяком случае на первом этапе образования СКСО, стремление к единению ряда губерний Северной области. Но амбициозность Зиновьева при осуществлении данных проектов также не стоит сбрасывать со счетов.

Будучи фактическим правителем города, он в то же время (по крайней мере до осени 1918 г.) ощущал себя и неким местоблюстителем центральных органов страны в Петрограде. Решение ВЦИК о переносе столицы Советской России в Москву, принятое в конце февраля 1918 г., было подтверждено постановлением IV Всероссийского съезда Советов 16 марта⁸¹. Зиновьев, выступивший на съезде с докладом о переезде правительства, выразил надежду, что «перенесение столицы в Москву будет кратковременным»⁸². Через несколько месяцев – уже на 2-м съезде Советов Северной области – он повторил свою мысль: «Петроград <...> до сих пор в значительной степени не потерял своих функций как столица <...> и будем надеяться, что в ближайшее время он сможет себе их вернуть и наша центральная власть первая будет рада эвакуации сюда»⁸³. Немного позже, в начале ноября, делегатам от Северной области, избранным на VI Всероссийский съезд Советов, был предложен написанный Зиновьевым проект резолюции, в которой утверждалась необходимость существования СКСО, «вплоть до того момента, когда Совет народных комиссаров и Всероссийский ЦИК смогут переехать в Петроград и Петроград вновь станет столицей советской России». Делегаты высказались за сохранение СКСО, но эту оговорку из проекта резолюции вычеркнули⁸⁴.

Все же мысль об особенностях, о возвышении Петрограда, о соблюдении дореволюционной традиции двух столиц, но теперь уже в иной очередности, не покидала некоторых управленцев и впоследствии. Именно этим можно объяснить брошенную Зиновьевым на заседании ПК 12 января 1920 г. фразу: «Колчак пойман и будет, вероятно, привезен в Питер»⁸⁵. А в конце того же года заведующий отделом коммунального хозяйства Петросовета Л.М. Михайлов, ратуя за строительство метрополитена в городе на Неве, подчеркивал, что появление метро повысит значение Петрограда «в ряду городов Республики»⁸⁶. Примечательны в этом же отношении приводимые отечественным историком Н.Ю. Черепениной данные о содержании поднятых Зиновьевым в 1919–1922 гг. вопросов на Политбюро ЦК РКП(б): из 111 вопросов 39 были связаны с международными делами, 30 – с Петроградом и 26 – с общегосударственными проблемами⁸⁷. Петроград волновал его больше, чем всероссийские проблемы, и немногим меньше, чем внешнеполитическая ситуация.

Среди петроградских руководителей Зиновьев выделялся как хороший оратор. В этом он уступал, пожалуй, лишь признанному всеми «трибуну революции» В. Володарскому. Правда, в

⁸⁰ См.: Нагловский А.Д. Троцкий // Смена. 1990. № 9. С. 57.

⁸¹ См.: Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. М., 1959. Т. 1. С. 53.

⁸² Цит. по: Зиновьев Г.Е. // Городская власть Санкт-Петербурга: Биохроника трех столетий. СПб., 2007. С. 293. (Биографический очерк о Г.Е. Зиновьеве подготовлен Н.Ю. Черепениной.)

⁸³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 143. Оп. 1. Д. 3. Л. 86–87.

⁸⁴ Там же. Д. 25а. Л. 3.

⁸⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 738. Л. 21.

⁸⁶ Научно-справочная библиотека ЦГА СПб. Журнал № 88 коллегии Петрогубсовкомхоза. 1920. 13 декабря. Эти сведения любезно предоставлены М.А. Антифеевой.

⁸⁷ Зиновьев Г.Е. // Городская власть Санкт-Петербурга... С. 297.

отличие от Володарского, Зиновьев не слишком часто выступал на митингах, но положительный эффект от его выступлений в первые месяцы пролетарской революции отмечали даже его будущие недруги. Бывший комиссар Нагловский признавал, что «в широких слоях партии и среди революционно настроенных рабочих Зиновьев пользовался тогда несомненно большим влиянием, и все его выступления проходили неизменно с шумным успехом»⁸⁸. Он же отмечал удивительную легкость речи оратора. О ясности и общедоступности мысли и гладком, легком стиле выступлений Зиновьева писал и Луначарский⁸⁹.

Но не всегда все проходило гладко. Когда период революционной эйфории сменился временем борьбы не только против внешних и внутренних врагов социализма, но и за собственное выживание, петроградцы не стали столь положительно откликаться на каждое слово своего «вождя». Например, по свидетельству Гиппиус, на конференции матросов и красноармейцев в 1919 г. речь Зиновьева вызвала противоположную ожидаемой реакцию. «Надежное собрание возмутилось, – пишет она. – „Коммунисты“ вдруг точно взбесились: полезли на Зиновьева с криками: „Долой войну! Долой комиссаров!“»⁹⁰

Будучи неплохим оратором, Зиновьев был довольно плодовитым публицистом. Его статьи нередко появлялись на страницах «Северной коммуны», «Петроградской правды», «Красной газеты». В списке авторов брошюр и книг, выпускаемых издательством Петросовета, он неизменно занимал верхние строчки. В каталоге книг, выпущенных этим издательством к концу 1919 г., указано, что из печати вышло 16 работ Зиновьева, печатаются две и еще две работы Зиновьев подготовил с Лениным и Луначарским.

У Ленина было опубликовано 5 работ и 4 находились в печати. За это же время у Троцкого вышли 3 книги и одна печаталась, у жены Зиновьева, З.И. Лилиной, – соответственно 2 и 3⁹¹.

В этом же издательстве в конце 1919 г. готовились к выпуску портреты К. Маркса и Ленина, Троцкого, Зиновьева, Луначарского. В апреле того же года Кинематографический комитет в Петрограде издал открытки с портретами Зиновьева и председателя ВЦИК М.И. Калинина⁹². Подобные мероприятия диктовались чисто агитационно-пропагандистскими требованиями момента и не вызывают удивления. Но порой стремление повысить популярность политического лидера достигалось методами, весьма сходными с теми, которые употребляли царские чиновники, столь ненавидимые и критикуемые большевиками. В частности, уже в первые годы советской власти зародилась широко распространившаяся в 1920-1930-е гг. традиция называть различные учреждения или географические пункты именами здравствующих политиков. Это явление, имевшее всероссийский масштаб, затронуло и Северную столицу. Так, образовавшийся в 1918 г. в Петрограде Крестьянский (позднее – Рабочекрестьянский) университет получил имя Зиновьева. В начале 1919 г. неизвестный автор подал в Петросовет записку о создании агитационного «плавающего дворца „Культура“» и о присвоении ему имени Зиновьева. Основным аргументом в пользу такого предложения было то, что в Москве есть поезд им. Ленина, а в Питере ничего подобного нет⁹³. Этот проект по каким-то причинам не был воплощен в жизнь, зато другой встретил понимание и одобрение председателя Петросовета. 1 февраля 1919 г. на имя Зиновьева поступила телефонограмма от членов исполнительной коллегии Кинематографического комитета. Они просили разрешения назвать кинотеатр

⁸⁸ Нагловский А.Д. Троцкий. С. 51.

⁸⁹ См.: Луначарский А. Г.Е. Зиновьев (Радомысльский). С. 295.

⁹⁰ Гиппиус З.Н. Черная книжка. С. 356. О похожих ситуациях, сложившихся на одном из петроградских заводов в 1920 г. и на митинге в Петрограде в начале 1921 г., рассказывают, соответственно, Э. Голдман (см.: Goldman E. My disillusionment in Russia, P. 81) и П.А. Сорокин (см.: Сорокин П. Долгий путь. С. 149).

⁹¹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 159. Л. 20–22, 24.

⁹² См.: Там же. Д. 146. Л. 84, 128.

⁹³ Там же. Л. 160–161.

«Художественный Выборгский», находившийся в доме № 8 по Финскому переулку, «Государственным Свето-Театром имени тов. Зиновьева». Резолюция председателя Петросовета была написана в духе тех самых советских бюрократов, которых он неустанно обличал: «Ответить согласием. Г. Зиновьев»⁹⁴.

Наверняка с желанием повысить популярность среди жителей города связаны дела о покушении на Зиновьева. В конце августа – начале сентября 1918 г. петроградские газеты, переполненные материалами о ранении Ленина и об убийстве председателя местной ЧК М.С. Урицкого, информировали читателей о покушении на председателя Совета комиссаров СКСО. Буквально сразу же в прессе появился текст обращения по радио Ф.Э. Дзержинского, Г.Е. Зиновьева, А.В. Луначарского и военного комиссара СКСО Б.П. Позерна «Ко всему цивилизованному миру». «Организаторами покушения на Ленина и Зиновьева, – говорилось в нем, – являются англо-французы»⁹⁵. Однако спустя некоторое время газеты сообщили, что на самом деле к Зиновьеву приходил какой-то человек с пакетом и, не застав хозяина дома, ушел. Этот случай и был принят за террористический акт, ибо других доказательств покушения пресса не приводила. Позднее, на процессе по делу эсеров в 1922 г., боевик Г.И. Семенов показал, что, по мнению лидера партии А.Р. Гоца, необходимо было убить Зиновьева и Володарского: «Так как Зиновьев почти не выезжал из Смольного, а Володарский часто бывал на митингах <...>, то решено было убить его первым»⁹⁶. Трудно сказать, насколько все это соответствовало действительности. Эсеры, правда, уже левые, обвинялись в подготовке покушения на Зиновьева и в 1919 г. Выступая на заседании Петросовета 11 апреля, председатель петроградской ЧК С.С. Лобов заявил, что левые эсеры «в последнее время намечают ряд террористических актов против вождей петроградских рабочих и, в частности, против тов. Зиновьева»⁹⁷. Фактов при этом приведено не было. Учитывая, что двумя днями раньше исполком Совета лишил левых эсеров депутатских мандатов, возникает сомнение в искренности главного чекиста города. Повторимся, что, скорее всего, все истории с несостоявшимися покушениями создавались искусственно и должны были работать на повышение авторитета Зиновьева.

Все же на долю председателя Петросовета выпадало немало сложных моментов, когда надо было заботиться не только о себе, но и о поддержавших его избирателях. Наиболее кризисными ситуациями были, конечно, наступления белогвардейцев весной-летом и осенью 1919 г. и восстание в Кронштадте в феврале-марте 1921 г. Судя по воспоминаниям многих бывших товарищей по партии, в этих случаях «диктатор» был не на высоте.

А.Д. Нагловский утверждал, что «в период опасности <...> Зиновьев превращался в растерянного, панического, но необычайно кровожадного труса»⁹⁸. Л.Д. Троцкий, прибывший в Петроград в октябре 1919 г., вспоминал позднее об этих днях: «Центром растерянности был Зиновьев. Свердлов говорил мне: „Зиновьев – это паника“. А Свердлов знал людей. И действительно: в благоприятные периоды, когда, по выражению Ленина, „нечего было бояться“, Зиновьев очень легко взбирался на седьмое небо. Когда же дела шли плохо, Зиновьев ложился обычно на диван, не в метафорическом, а в подлинном смысле, и вздыхал. Начиная с семнадцатого года, я мог убедиться, что средних настроений Зиновьев не знал: либо седьмое небо, либо диван. На этот раз я застал его на диване»⁹⁹. Когда осенью 1921 г. в петроградской организации разгорелся конфликт между Н.А. Углановым, в то время секретарем петроград-

⁹⁴ Там же. Л. 12. Не были обойдены вниманием и другие лидеры петроградских большевиков. В 1919 г. в Олонецкой губ. была, например, Луначарская (бывшая Алексеевская) волость (см.: Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции, 1918–1920. Петрозаводск, 1964. С. 166, 269, 412).

⁹⁵ Красная газета. 1918. 3 сентября.

⁹⁶ Цит. по: Кутузов В.А. Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1987. С. 131.

⁹⁷ Красная газета. 1919. 12 апреля.

⁹⁸ Нагловский А.Д. Троцкий. С. 54.

⁹⁹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 1–2. М., 1991. С. 407.

ского губкома, и Зиновьевым, Угланов заявил, что Зиновьев обычно уезжает из Петрограда в трудное для города время, и добавил, что, по собственным словам Зиновьева, с конца февраля до начала сентября 1921 г. тот «отсутствовал более трех месяцев»¹⁰⁰. Особняком в этом «хоре голосов» стоит свидетельство А.В. Луначарского, который в уже цитировавшейся статье писал, что «в дело управления Петроградом» Зиновьев вносил «черты твердости, искусной тактики и спокойствия при самых трудных обстоятельствах»¹⁰¹. Конечно, мнения и той, и другой стороны достаточно субъективны, но если учесть, что в кризисные для Петрограда ситуации Москва обязательно присылала своего представителя (в мае 1919 г. – И.В. Сталина, в октябре – Л.Д. Троцкого, в марте 1921 г. – М.И. Калинина и для командования войсками М.Н. Тухачевского), то можно, по крайней мере, утверждать, что в этих событиях Зиновьеву не пришлось играть роль единоличного лидера. Проанализировав деятельность Зиновьева на военном поприще в 1918–1919 гг., современный исследователь В.М. Вихров приходит к оригинальному, хотя и не бесспорному выводу о том, что «основная роль главы Петрограда на этом направлении заключалась в привлечении внимания большевистской элиты к опасности падения Петрограда»¹⁰².

Зиновьев болезненно переносил это вмешательство в его правление, но терпел, понимая, что он, по словам Троцкого, «не был создан для таких положений». Зато во внутригородских столкновениях, возникавших между Зиновьевым и другими партийными и советскими функционерами, он, как правило, побеждал. Конфликт вокруг Равич, разгоревшийся в конце января – начале февраля 1919 г. между Зиновьевым, с одной стороны, и СОК и ПК (секретарем последнего был П.С. Заславский) – с другой, закончился скорым отъездом Заславского из Петрограда¹⁰³. В том же году Зиновьев «не пустил <... > обратно в Питер» после выздоровления В.М. Молотова¹⁰⁴, председателя Совета народного хозяйства Северного района. В 1920 г. пришлось покинуть Петроград председателю Петрокоммуны А.Е. Бадаеву, еще через два года аналогичным образом разрешилось противостояние Зиновьева и Угланова: последний был отозван в распоряжение ЦК.

Далеко не безоблачными были отношения председателя Петросовета с Луначарским. После переезда Советского правительства в Москву Луначарский, являясь наркомом просвещения России, стал и комиссаром по просвещению Петроградской трудовой коммуны. Официально это объяснялось необходимостью заботы о культурных ценностях Петрограда, неофициально Луначарский оставался своеобразным представителем центрального правительства в Северной столице.

Роль наркома в сбережении культурного наследия общеизвестна. «Об этом свидетельствуют, – писала в своем обстоятельном исследовании о культурном строительстве в Петрограде в первые годы советской власти Г.И. Ильина, – его многочисленные устные заявления, высказывания в печати и практическая деятельность»¹⁰⁵. «Луначарского сейчас считают спасителем культуры. Он все больше и больше завоевывает симпатии. Самый гуманный и культурный из большевистских деятелей», – эти строки занес в дневник 25 октября 1918 г. архивист Г.А. Князев, достаточно критически относившийся к новой власти¹⁰⁶.

¹⁰⁰ Н.А. Угланов [Биографический очерк] // Публ. подгот. Л. Чинова, А. Кирилина, А. Степанов, В. Юданов // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 117.

¹⁰¹ Луначарский А. Г.Е. Зиновьев (Радомысльский). С. 298.

¹⁰² Вихров В.М. Коммунистический лидер Г.Е. Зиновьев во главе Петрограда-Ленинграда (конец 1917 г. – начало 1926 г.). Диссертация... С. 62.

¹⁰³ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 301. Л. 3 об.-5. См. также воспоминания В. Семенова, члена бюро коллектива РКП(б) Смольного в январе 1918 – августе 1919 гг. (Там же. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2390. Л. 2).

¹⁰⁴ См.: Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 166.

¹⁰⁵ Ильина Г.И. Культурное строительство в Петрограде. Октябрь 1917–1920 гг. Л., 1982. С. 171.

¹⁰⁶ Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции (1918 г.) // Русское прошлое. 1993. № 4. С. 116.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.